

Анна Мельдельштейн

О чем
Ты молчишь?

НЕ сдавайся.

Анна Мельдельштейн

О чем ты молчишь?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42831715

ISBN 9785449662941

Аннотация

Резко открываю глаза, как от плохого сна, услышав громкий стук открывшейся балконной ставни, приведшей с собой весьма неприятный атлантический ветер. Озябшими босыми ногами ступаю на холодный паркет вишневого цвета – твой любимый, – аккуратно перебирая на цыпочках очередные па, которым ты меня учил. Захлопываю дверь что есть силы и не могу не взглянуть на ярко-красный рассвет, заметив нас на соседнем берегу в горах. Кажется, будто время вовсе остановилось...

Содержание

АВТОРСКИЕ ПРАВА	5
ПРОЛОГ	6
27 Сентября 2011	10
Ноябрь 2011	11
26 апреля 2013	24
25 мая 2015	29
28 мая 2015	32
23 декабря 2003	42
апрель 2003	52
июнь 2007	54
28 июня 2015	66
4 сентября 2007	76
10 июля 2015	87
30 ноября 2015	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

О чем ты молчишь?

Анна Мельдельштейн

© Анна Мельдельштейн, 2019

ISBN 978-5-4496-6294-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВТОРСКИЕ ПРАВА

© *What are you silent about by Annette Meldelshteyn (О чем ты молчишь)*

Ты задумывалась о том, как бы сложилась твоя жизнь без него или... Без тебя другой?

Может, ты не уехала в Австралию, где стала графическим редактором в одной из крупнейших фирм Сиднея.

Или отправилась в Париж. Покупала хрустящие багеты в пекарне под балконом и гофрированные юбки. А вечерами превращалась в парижанку, возвращающуюся в аккуратную уютную квартирку на улице Гобеленов, где приходится закрывать ставни на окнах, дабы с манекена не сдуло ночным вихрем со свистом очередной шерстяной берет.

Что, если Италия? Ты без умолку трещишь об Италии из-за вкуснейшей в мире пиццы, тающего во рту ризотто, и невероятной страсти к жизни. Стоило рассмотреть этот вариант, хотя бы как запасной: выйти замуж за итальянца, носить темные очки с последнего показа в Милане и готовить пасту лучше, чем его бабушка.

Но здесь... Ты находишь себя настоящую без пиццы и лакомой пасты, зато с собой и океаном. Океан ты, конечно, любишь больше... Обычно пока он спит...

ПРОЛОГ

Сколько раз ты влюблялась?

В жизнь? В громкий смех? В случайные встречи и бесконечные разговоры? В глаза, что видят тебя насквозь?

Я смотрела в глаза Кэмберлена Девидсона сотни тысяч раз. Но каждый миг меня одолевала мысль: «Почему сейчас?».

Мне чудилось, что он будет вечно присутствовать в моей жизни, до тех пор, пока он не исчез. Не испарился словно выдуманная история о мальчишке, изменившем меня.

Теперь спустя 7 лет я учусь жить заново. Я глубоко дышу и смотрю на мир иным взглядом, не придавая значения беспорядочным мыслям, кидающимся на меня точно мартышки в заповеднике.

Я не предавала никого, кроме себя. Лишь сейчас я смогла найти в себе силы для того, кто открывает двери в этот мир, держа меня за руку; кто созерцает и ощущает каждое дуновение ветра вместе со мной; кто осознает вселенную, смотря в мои глаза.

Я – Амелия Клермонт и я храню тысячи воспоминаний о каждом, кто однажды ворвался бурей в мою жизнь. Смахиваю соленые капли с ресниц, пока тот, кто обнимает меня в темноте создает новую историю с ее непреложной истиной.

Да к сколько раз ты влюблялась?

Каждый из нас хоть раз чувствовал на себе влияние «этого»... Ощущал, как события настолько горькие, что сводит легкие, не позволяют жить дальше. Как ноги подкашиваются от ненависти к себе или, быть может, ко всему миру... Непонятно. Однако одно определенно становится ясным: ты продолжаешь жить, просто тебя сломали (люди, обстоятельства – неважно) ... Сломали... Будто вырвали сердце, исполосовали, а ты, постанывая, моргал глазами и с придыханием ожидал своей участи.

Не знаю правда или нет, но бытует теория, высказанная человеком, который «смог».

Суть её заключается в том, что сначала ты оплакиваешь (то есть возвращаешь ту часть себя, которую отдавал ранее тому единственному человеку; в такие моменты ты становишься одним целым вновь).

После ты прыгаешь в самую глубь острого горя, причём такой силы, что кажется вот-вот и тебя взорвёт от переизбытка (это очень одинокое дело: воссоединяешься с собой, теряешь свои чувства). Стоит сказать, хроническая реакция горя – главная проблема облечения. Страшно признаться, но ты рад, что больше не нужно переживать, искать взглядом, ждать звонка, только вот больше не о ком беспокоиться.

Меня одолевало любопытство: почему же третья стадия

именуется «иллюзией», пока она, хохоча не запрыгнула ко мне на плечо (в принципе оказалось не так уж сложно – мы ведь надеемся все вернуть, начать сначала, сказать несказанное, изменить себя, в общем смириться и доказать непонятно кому, что все изменится – воображаем себе всякое).

В конце концов никто не в силах избежать безразличия. Чёрт! Страшнее фазы я не встречала. Тебе кажется, что ты смирился, шатаешься по улицам и не нужен никто в подстрекательстве ментальных преступлений (иными словами, уходишь с головой в дело, позволяющее забыться и имеющее единственное условие с наименованием «необходимость жить»).

Заключается ли суть теории лишь в этом? Порой злость затягивает нас на столько глубоко, что внимание притупляется и мозг изнуруется в попытке найти новые поводы просыпаться каждое утро.

Всем известная фраза «время лечит» – лишь очередной трюк с мнимой поддержкой: «посмотри-ка, ты не один». На деле ты сидишь в однокомнатной квартире на окраине с надеждой получить подарок: день тишины.

Ты вынужден существовать, а не жить.

И вдруг появляется она: та самая важная мысль, очерненная отчаянием.

Жизнь шла своим чередом, пока ты не получил под дых глобальной для тебя потерей.

Почему ты забываешь, что будущее и успех прохождения

этих стадий зависят от тебя?

Вдруг причина в привычке держаться за чью-то руку в темноте, что вот-вот... Исчезнет?

Стоит только понять для себя: ты не сможешь ничего вернуть или изменить. Ничего не будет как прежде. Хотя кому я это говорю...

Ты пройдёшь все четыре стадии, могу сказать, что с весьма большим избытком ненависти, нахлебавшись соленой злости, раздирающей рассеченное кровоточащее нутро.

Ты уже знаешь, чем это закончится?

Да... Именно, пятой стадией... Одиночество.

27 Сентября 2011

Кэмберлен каждое утро будит меня в 7 часов теплым слегка обжигающим поцелуем в щеку, а я ворчу. Разворачиваюсь на другой бок и вновь закрываю глаза. Буквально на пять минут. Когда проходит четыре из них, я зарываюсь под одеяло с головой, дабы сохранить тепло и оставшуюся минуту сна. Тогда он скидывает с себя джинсовку, а гулким эхо знаменуется падение кроссовок. Ложится рядом и обнимает меня настолько крепко, насколько это вообще возможно.

Ну, как здесь устоять? Я лишь могу расплыться в сонной улыбке и подтянуть колени к груди, чтобы обвитья вокруг него, обернувшись за секунду до этого.

И всё же Кэм знает, как поднять меня с кровати. Он утыкается носом мне в затылок и тихонько сопит, непременно сопровождая это действие легким поглаживанием моей руки. В конечном счете мне становится невыносимо жарко, и я молнией выпрыгиваю из-под одеяла, оправдываясь тем, что пора-пора, однако он точно знает правду, приправленную соусом под именем «счастье».

Ноябрь 2011

Прежде, чем ты встретила его тебя штормило от причала к причалу. Твой успех казался незыблемым, а проблемы легко решаемыми. Тебе ничего не нужно было доказывать даже себе, ни то, что кому-либо еще.

Сколько было не тех людей в твоей жизни к этому моменту? Ох, девочка... Ты замоталась. Не перечисляй.

Теперь тебя беспардонно выкинет на чужой берег вместе с теми разноцветными рыбами, где только вы вдвоем с горланящей чайкой и вам предстоит разобраться: о чем же жить.

Запомни его любимое блюдо и музыку – это пригодится. Хотя, знаешь, даже запиши, только вот что: ласковые слова и красивые поступки – ты будешь вынуждена их пересматривать после того, как получишь очередную порцию безнравственности и неуверенности. Не забудь отметить мелким шрифтом внизу страницы:

«раньше я чувствовала себя свободнее, спокойнее, безопаснее».

– Я войду? – раздался в дверях в стельку пьяный голос Кэма.

– Входи, – раздраженно кинула Амелия, хотя на деле была до умопомрачения счастлива побыть с ним наедине хотя бы минуту, – сними ботинки, на улице шел дождь.

Кэмберлен подошел к Амелии и одарил ее со спины теп-

лым, одновременно с тем влажным объятием. Немного погодя он наклонился еще ниже и его дыхание разразилось по всему ее телу словно ток.

– Кэм... – надломлено прошептала она, не в силах шевельнуться.

– Чего? – с иронией заметил он, – не можешь устоять перед моей красотой?

– Точно! – неожиданно для себя воскликнула Амелия, – отойди.

Через несколько секунд Кэмберлен плюхнулся на кровать и развалившись на подушке Амелии тихо посапывал словно младенец.

– Кэм? Псс! – пытаюсь не разбудить и одновременно с тем пододвинуть Кэма, шептала Амелия ему на ухо, – черт! Спит как убитый... Ладно... – выпучив глаза в попытке передразнить спящего Кэма произнесла она.

– Я тебя тоже люблю, – сонно пробубнил Кэмберлен.

– Что?! – внезапно воскликнула Амелия, не веря своим ушам, – Кэм! Наверное, почудилось...

– Амели! Амели! Ты знаешь, чем мы сегодня с мамой занимались? – обнимая ее, сзади кричит Лу – самая младшая из детей.

– Неужели первая тренировка в конюшне?!

– Даааааа! – Лу любила запрыгивать к Амелии на колени, что и сделала в очередной раз. Она села, болтая ножками, склонив свою белокурую головку с заколками в виде маленьких голубых бабочек покрытыми блёстками ей на плечо, и начала петь песню про пони из детского центра, в котором занималась трижды в неделю.

Кое-кто, как и всегда шаркает ногами, идя по коридору. Завидев среднего из детей, плетущегося в столовую и изрядно сверлящего своим взглядом пол, Амелия была вынуждена тревожно спросить:

– Как дела Роджер?

Одарив ее в ответ лишь молчанием, он глубоко вздохнул, поэтому Амелия молниеносно приняла решение о повторении вопроса:

– Родж? Всё в порядке?

– Эм, эта девчонка, Ванесса – несносна!

– Да, что ты? – будто крайне ошеломленная сие заявлением вскрикнула она. Одновременно с этим помогая Лу развернуть конфету, пока миссис Деви этого не видит, – и в чем же она так невыносима? Извини, несносна.

– Вчера она поцеловала меня, а уже сегодня облила апельсиновым соком в столовой и убежала... Хихикая!

– Девчонки такие странные. Правда?

Смеясь, Амелия гладит его по плечу и мягко произносит:

– Дай ей время, и вот увидишь, через пару дней она сама придёт к тебе с вопросом: «почему ты всё ещё мне не позво-

протянула Лу, – вы поженитесь, поженитесь, да?

– О-о-о, да, ребята, довольно, – на этом Амелия прервала не начавшуюся пылкую речь, ведь подступивший смех чуть не выдал её словно плохого бойца во времена допросов на фоне Гражданской войны, – он ночевал не у меня, а в моем домике, и я не знаю, почему Кэм вдруг решил, что может заявляться ко мне посреди ночи в стельку пьяный.

Говоря все это, Амелия не заметила звука весьма громких шагов за спиной и вздрогнула, когда вдруг услышала весьма знакомый тембр, что льётся точно мелодия, а как красив его владелец... Ростом чуть выше 6 футов, широкие плечи, до глубины голубые глаза с зелеными крапинками, будто цвета зимней ели, едва пухлые губы, узкий нос, заостренный на кончике, и подчеркнутая родинкой с левой стороны переносица; спортивный торс, напрямую связанный с достижениями в футболе. Чаще всего Кэм надевает светло-голубые рубашки, обрамленные золотыми запонками с аметистом; на бёдрах виднеется темно-синий ремень, отлично подходящий под цвет обтягивающих джинсов и темно-коричневых туфель.

– И я тебя люблю, принцесса, – шёпотом произнес Кэм, наклонившись к её пульсирующей шее.

Это заставляет Амелию зардеться краской. Нет! Плыть!

– Не перебарщивайте, мистер директор, – чуть задыхаясь от страха, произносит она, чувствуя, бешеное биение сердце

со скоростью равной быстроте света.

Впервые это чувство застало Амелию врасплох, когда родители оставили их с подружками в Верхнем Хэмптоне (как будто под присмотром старшей кузины), а к Девидсонам приехала куча родственников. Мальчишки играли в футбол на поле, и мяч каким-то образом перелетел через их забор. Понятное дело, что его нужно было забрать.

До сих пор в памяти яркое воспоминание: Амелия увлеченно читает книгу на шезлонге, как вдруг у кустарников с шиповником «бум», жуткий грохот. Она в страхе собственном 10-летней девчонке оборачивается и видит Кэма.

Он весь в ссадинах, колючках, но с невозмутимым видом говорит: «Не подашь мой мяч?».

Каждый раз вспоминая это, она окунается в тот момент и ощущает, как вновь потеют ладошки от напряжения.

Наверное, это был самый запоминающийся момент в её жизни, что звучит странно: ведь случались вещи и поважнее...

Ближе к ночи кухня так и не вернулась, поэтому мальчишки, заметив девчачьи посиделки в окне первого этажа, решили над ними подшутить. Главарём был Кэм. Они перелезли всё через тот же забор, прокрались через дверь, которую девочки благополучно забыли закрыть, и вбежали в кухню с криками. Девчачий визг, должно быть, услышали в Аризоне.

Тогда Кэм впервые обнял Амелию. Конечно, неосознан-

но. Однако для неё это стало чем-то большим, нежели глупое ребяческое прикосновение.

– Ладно, расслабьтесь, молодёжь, я вчера немного перебрал, – и в то же мгновение Кэм подхватил Лу, кружа ее в танце, – эй, кто у нас тут самая любимая сестричка?

– Я, я, я! – заливаясь смехом, закричала Лу.

– Садитесь за стол, – как всегда грозно произнесла миссис Деви, иначе подействовать на ее неугомонных детей не представлялось возможным.

Пока все усаживались, Амелия пристально вглядывалась в лицо Кэма и размышляла, что вот он – человек, при виде которого она трепетала все эти годы, была рядом; он такой глупый и несносный; как Деви собрался доверить ему фирму? У него ведь все думы только о вечеринках.

Довольно! Я ведь с Джонни... Странные мысли навяли.

– Амелия, ты здесь? – прерывая размышления, завопила Лу на всю столовую, дернув ее за рукав блузы.

– А, да, да. Что такое? – Амелия потянулась за бокалом и случайно задела Кэма, что привело к неловкому молчанию.

– Та-а-ак, кому фасоль, ребята? – Деви как и всегда разряжал напряженную обстановку.

– Кристофер, я собиралась сказать... – не успев договорить, Амелия заметила, что все внимание внезапно переклюилось на неё. По правде говоря, ей нравилось, что в этом доме каждый всегда услышан и понят, – мне нужно уехать, поэтому я оставляю должность... Извини, что из-

за меня вы в таком неудобном положении. Я не отдавала себе отчет, будто смогу это сделать. Моя наивность не имела адекватных границ.

– Эм... Амелия, возьми отпуск настолько насколько нужно. Мы справимся, пока ты будешь решать свои вопросы, – спокойным тоном произнес Деви.

– Амели, ты уезжаешь... Навсегда? – взвизгнула Лу, сверля затылок Амелии в то время, как по ее розовым щёчкам текут горячие горькие слёзы.

– Не знаю, малышка... Но я буду тебе звонить, обещаю.

– Не-е-ет!

Маленькая Лу... Она вскочила из-за стола и выбежала в сторону второго этажа. Амелия не видела ее такой даже, когда умерла любимая черепаха Джинджер. Вслед за ней побежала Софи, чтобы успокоить дочь. Роджер сложил приборы, уставившись в тарелку. Сам глава семейства – Кристофер Девидсон пытался не показывать своих эмоций и залпом пил скотч, делая вид, что это вода. И только Кэм продолжал жевать фасоль, сохраняя абсолютно безразличное выражение лица.

– Амелия, ты всегда можешь вернуться. Мы тебя примем и поможем, если возникнут проблемы. Наша семья – твоя семья. Ты ведь это помнишь?

– Спасибо, – она подошла к Кристоферу, и плюхнулась в его по-отечески теплые объятия, наполненные любовью, – мне нужно собирать вещи.

– Ступай...

Она сделала шаг в сторону Роджера, но не успела.

– Уходи! – раздраженно крикнул он, отодвигая стул и невзначай кинув в неё салфеткой.

– Родж...

На Кэма Амелия не осмелилась взглянуть, поэтому молча вышла из столовой, захватив трясущимися руками стакан воды и тарелку пасты. Несмотря на то, что ей и кусок в горло не лез, ночь предстояла быть долгой и через силу все равно придётся съесть ужин.

Спустя несколько часов Амелия закончила собирать вещи. Подошла в крайний раз к камину и подкинула несколько поленьев в ярко разгорающееся пламя. В нем было видно, будто сейчас, именно в этот момент, она бросает свою жизнь в испепеляющий всё на своем пути огонь и уходит, сгорающая дотла, в надежде, что время можно вернуть вспять.

– Амелия, ты как?

– Прости, не заметила. Все в порядке, – отвечает она Кристоферу, боясь взглянуть на него, и старается быстро перевести тему, – хочешь выпить?

– Не откажусь от скотча...

Одной рукой Амелия достает бутылку с нижней полки барной стойки, второй же тянется за двумя бокалами, усерд-

но пытаюсь не поднимать налитые слезами красные глаза. Однако Кристофер обхватывает её кисть, в попытке забрать бутылку, и они встречаются взглядом в ту секунду, когда больше нет сил, держать всю горечь в себе.

– Ну же, рассказывай, что случилось?

Слезы Амелии заглушают голос, и все вокруг кажется плохо различимым подводным миром, но попытаться открыть рот все же стоит. Деви точно не отпустил бы её, не узнав всю правду, поэтому ей пришлось взять себя в руки и попытаться успокоиться.

– Джонни закрыли контракт. Хоть я и лелеяла надежду, что у нас все получится, мне казалось, будто он – сможет всё исправить, станет моим мужем, наши дети будут бегать по берегу, а мы наблюдать за ними. В конце концов, я ложно полагала, что с ним буду счастлива и забуду о своих глупостях.

– Мне жаль... Еще несколько месяцев назад вы готовили приглашения на свадьбу... Так случается. Но Амелия, девочка, что ты пытаешься забыть?

– Он скрывал от меня, что контракт не продлят! Как такое возможно? Я бронирую отель для гостей и ресторан, а он даже не удостоился сказать мне о таком... Что если лучше не устраивать эту громоздкую свадьбу?

– По правде говоря, Амелия, это странно, – задумчиво произносит Деви, сделав очередной глоток из бокала, – но почему он не вернулся за тобой?

– Деву... – и слезы вновь рвутся на свободу, беря на себя слишком много, – мне пора.

– Хотя бы скажи, куда ты? К нему? И что будет с обучением? У тебя ведь последний год...

– Нет, я в Австралию, думаю найти там команду, я уже внесла предоплату, поэтому... – на этом Амелия замолкает, дабы не сболтнуть лишнего, – мне нужно проветриться и забыть некоторые вещи. Знаешь, многое происходило, пока он молчал... Пойдём? – Амелия резво зашагала в другой конец комнаты за курткой, сохраняя трезвость ума.

– Или кого ты пытаешься забыть... – всё ещё продолжая свою мысль, шепотом ей вслед говорит Деву.

Кристофер берет чемодан Амелии, а она поспешно хватается сумку. Они спускаются по лестнице к бассейну и выходят через запасной выход в саду. Подойдя к машине, Деву открывает перед ней дверь; всё, что Амелия помнит дальше – лишь, то, как видит в зеркале отъезжающей машины отражение Кэма, высовывается и машет ему рукой. А следом быстро закрывается пледом, чтобы ближайшие два часа до аэропорта не замечать остающихся в дали знакомых дорог и магазинов. Весь путь Амелия просидела, молча уставившись в запотевшее стекло автомобиля, периодически подмечая, как в темноте мелькают уличные огни и светофоры.

– Спасибо, сэр.

– Удачной вам дороги!

Да, удача ей пригодится. Ведь она так не любит все эти

проходы в аэропорту, вечно начинаются какие-то проблемы, типа выйдете там или пройдите туда, или ваш багаж весит на полфунта больше положенного – это очень утомляет. Как ни странно, в этот раз все обошлось.

Выдыхает.

Проходит контроль и поднимается по трапу, будто всё это лишь долгий, тяжёлый, волнительный сон. Найдя своё место, Амелия наконец-то оказывается в плену иллюминатора, пристёгивает ремень и, откинув голову назад незаметно для себя, засыпает на время всего полёта.

– Мэм, самолет приземлился, – с жутким филиппинским акцентом произносит темнокожая красотка-стюардесса, чуть поправляя свою белоснежную вуаль.

Прочитав быстро имя с бейджа, Амелия отвечает:

– Спасибо, Алекс, не могли бы вы сказать, как мне пройти к стойке с багажом?

– Конечно, выход E, на право и прямо по коридору.

– Хорошо.

Забрав наконец-то багаж, и выйдя на улицу, сухой и морозный воздух обдаёт её руки и лицо непривычной прохладой. И все, что хочется сказать – лишь: «Привет, Канада!», из-за тебя я солгала о своем направлении.

Честно говоря, она всегда воображала свой приезд в эту страну немного иначе. Как её будут встречать мистер лось и его товарищ рысь, и, когда она будет ехать мимо кленов и раскидистых дубов, то пробегающий мимо белый медведь

споеет популярную песню, а затем она окажется в самом знаменитом месте страны – Торонто.

Никогда не знаешь, где найдешь себя. Еще сложнее ухватиться за тот миг, когда судьба тебя настигнет. С ней нужно обращаться поаккуратней и вести себя услужливо, иначе разозлится.

Чересчур обильно в нашей жизни наличие ничего не значащих слов и пустых людей.

Все эти обиды и ложь лишь дразнят судьбу. Эта дамочка злится долго и мучительно. А затем... Ты оказываешься в списке лузеров с табличкой на груди, гласящей:

«Обидел судьбу. Особо опасен».

Заметил, как любовь сменилась на ненависть, разочарование и хитрый недовольный прищур?

Кто поумнее, он сразу вычисляет, как с судьбой себя вести, другие же голосят: «судьба – злодейка».

Ни жди ни хорошего, ни плохого; ни радости, ни горя; ни правды, ни лжи... Просто живи.

26 апреля 2013

– О, привет! – раздался звонким эхом голос женщины лет 40 с взъерошенными волосами, окрашенными в пепельный цвет. Скидывая пальто, она невольно перешла к насущной для австралийцев теме, – ужасные пробки! В Сарри-Хиллс наплыв абитуриентов. Ну, сама знаешь.

– Вы же в курсе, что опоздали почти на 40 минут?

– О, да! Не переживай об этом! – поставив стакан с кофе на стол, произнесла незнакомка, – обычно утром я не беру пациентов.

– Меня больше волнует нарушение границ, чем деньги.

– Границ? – невозмутимо спросила она, – расскажешь подробнее?

– Мы не переходили на «ты», я понятия не имею, как вас зовут, однако с первого слова мне слышится в вашем голосе пренебрежение!

– Вас это раздражает?

– Безусловно, – твердо ответила Амелия, сжимая в левой руке эспандер. Разминать кисть ей посоветовал остеопат, с которым она познакомилась во время тренировки по боксу. Да, уж, никогда не знаешь куда свернешь, столкнувшись с камнем на перепутье.

– Хорошо, – обернувшись к двери, психотерапевт внезапно завопила, – Чейс! Где тебя носит?!

Чейс – секретарь психотерапевта (личный во всех смыслах этого слова: и днем, и ночью, и когда ей понадобится). В первую встречу Амелия вошла в приемную и тут же заметила, как он выдохнул, а затем радушно проводил до кабинета. В силу своей неуклюжести он споткнулся о ковровое покрытие при входе и чуть было не разлил воду, что попросила Амелия, к тому же ручка в кармане рубашки предательски растеклась, оставив жирную кляксу на самом видном месте. Поэтому Чейс переделался за ширмой, а по виду тени Амелия лишь убедилась в том, что секретарь хоть и был на побегушках у босса, однако заедал свой стресс печеньем, пончиками, маффинами, и, судя по утренним крошкам на его губах, он был преданным поклонником фисташкового чизкейка. А кто из нас нет?

– Сара, мисс Клермонт, – неловко склоняя голову то в одну сторону, то в другую, произнес Чейс, – ваш кофе, печенье и маффины только что привезли из пекарни. Видимо задержка произошла из-за затора на дорогах. Разрешите идти?

– Ступай. И потребуй с пекарни неустойку, – недовольным тоном ответила психотерапевт.

Теперь Амелия заметила, как Чейс тихо выдохнул вновь, будто цепляясь за этот безмолвный миг, когда босс на него не орет. Он аккуратно ступил на скрипящую половицу и молниеносно ретировался за дверь.

– Это для вас, – указывая рукой на всё ещё горячие маффины, произнесла она.

– Спасибо, я не ем сладкое.

– Странно, – ровным тоном вставила психотерапевт, – по записям годичной давности на страницах в Facebook и Instagram можно сделать иной вывод.

– Многое меняется... Особенно, люди, – процедила Амелия, потянувшись за сумкой, стоящей на другом конце дивана.

– Хорошо. Меня зовут Сара, как вы могли заметить по вывеске на клинике, моя фамилия – Варгас. Клиника имени Варгас. Мой дед был психотерапевтом, а отец – клиническим психологом. Звучит немного комично, правда? Сара из Сарри-Хиллс. Так что...

– Сара, мне нужно работать, извините, – прервав ее, и в тот же миг неуклюже плюхнувшись на диван от удара коленкой о кофейный столик, повышенным тоном сказала Амелия.

– Не хотите представиться? – пододвигая столик вплотную к ногам Амелии, нарочито произнесла Сара.

– Амелия... – смущенно произнесла она, – Клермонт. Амелия Клермонт, – повторила она, переведя взгляд на настенные часы, – послушайте, мне и вправду пора.

– Амелия, из этого кабинета никто не выйдет, пока не будет проведен сеанс, – склонив голову на левый бок, произнесла Сара.

– Вы собираетесь держать меня силой?! – возмущенно вскрикнула Амелия, – вам платит мой босс, разве важно про-

ходят ли сеансы?!

– Стив оплачивает сеансы каждые три месяца для каждого из сотрудников, но твои сеансы он оплатил на полгода вперед. Что ты об этом думаешь, Амелия?

– Я думаю, что Стив сглупил или написал лишний ноль, выписывая чек. А теперь отодвиньте чертов стол и позвольте мне выйти отсюда, не порвав чулки, – настойчиво потребовала Амелия.

– У нас есть еще примерно тридцать минут. Захочешь обсудить сложившуюся ситуацию, дай мне знать, – весьма спокойным тоном ответила Сара, сделав глоток кофе.

Сара выглядит так, словно всю жизнь у нее только что и было – это встречи с пациентами. Простите, прогулка с собакой, кофе, пациенты, ужин. Именно в таком порядке. О собаке Амелия догадалась, лишь взглянув на пару пятен от лап, красующихся на юбке цвета хаки. В целом Сара выглядела неплохо, если исключить неряшливо помятую бисквитного цвета блузу, поверх которой накинут бордовый клетчатый жакет. Острые и грубые черты лица добавляли ей строгость и неприступность, хотя на деле в ее кабинете присутствовали свежие цветы, бежевый ковролин, розовые подушки на диванах и виднелись нарисованные от руки цветочки в блокноте. Блокнот имеет подпись: «Сложные пациенты», затем вкладка, на которой виднеются свежие чернила: «Амелия Клермонт».

– У вас на юбке пятна от собачьих лап.

Сара подняла взгляд на Амелию, а затем опустила руку в упаковку с салфетками, понадобившимся для очистки чуть виднеющихся следов.

– С чего вы взяли, что я – сложный пациент?

– Меня предупреждали.

– О чем?

– О том, что ты наблюдательная, – шелкнув ручкой, произнесла Сара.

– Что еще вам известно, кроме моей наблюдательности и фото в социальных сетях?

– Ты молода, красива и успешна.

– Наверное.

– И закрыта. Закрытые пациенты и неадекватные пациенты – самые сложные, – констатировала Сара.

– И много у вас закрытых?

– За последние пять лет: ты – первая, Амелия. У меня редко появляются новые пациенты.

– Выходит вы плохой психотерапевт, если люди ходят к вам годами, – саркастично отметила она.

– Люди приходят ко мне не за решением проблемы, а за раскрытием своего потенциала, изредка за излечением своей души. Ты веришь в души, Амелия?

– Я верю в час, что уже прошел, – резко отодвинув кофейный столик и вскочив, Амелия тут же выбежала из кабинета, лишь крикнув напоследок, – пока, Чейс!

25 мая 2015

Ровно в 7:15 я звоню. Молча. Совсем без слов. Вслушиваюсь в гудки, замечаю знакомый голос и жду, когда раздастся длинный звон, ознаменовавший конец несуществующего разговора.

Затем, я включаю музыку (соседям это не нравится) и собираюсь на работу. Из-за того, что моя новая почта связана с корпоративной мне приходят сотни писем и дурацких запросов, автоматически попадающих в спам. Многие из них бессмысленные или носят дурной характер. Там, конечно же, нет и намека на радость.

Ну, да, в прочем от тебя там весточки тоже никогда не находится.

– Амелия, не ожидала, что ты придешь! – с довольной ухмылкой произнесла Сара.

– 5 раз в неделю всего лишь 6 месяцев. И я здесь... – томно ответила она.

– Должна признать, я проиграла Чейсу 100 баксов, он всё твердил: «Она придет».

– Пришла.

– Ладно, захочешь поговорить...

– Оповещу всю округу! – громогласно заявила Амелия, прервав болтовню Сары.

Сегодня Сара надела расклешенные темно-синие брюки

с белыми лампасами и голубую блузку с рукавами-воланами. Еще у Сары новые очки. Похоже, она выбралась на шоппинг в этот уикенд. Амелия видела такие у GUCCI: массивные, угловатые, оправы почти незаметная, покрыта блестками, а сами стекла слегка коричневого оттенка. Отличный выбор.

– У нас осталось 5 минут. Ты точно не хочешь ничего обсудить?

– Классные очки, Сара, – стиснув зубы, прорычала Амелия.

– Чейс их купил, старые по невероятной случайности разбились после нашей крайней встречи.

– Надо же. Как странно, правда? – с сарказмом отметила она, – Чейс похудел. Вы заметили?

– Может, потому что ты здесь?

Пока Сара говорила, Амелия колотила каблуком по полу и единственная причина, почему звук был еле слышим – всё тот же пушистый ковролин. Заметив, как Амелия стиснула челюсть и сглотнула, Сара поняла, что не стоило задавать этот вопрос. Однако уже было поздно.

– Вы выводите меня из себя! – повысив тон, ответила она.

– Я не вижу причин нервничать. Это была шутка. Чейс просто рад тебя видеть, – Сара замолчала, дабы удостовериться, что в нее ничего не кидают аналогично прошлому случаю. Очки разбились, конечно, по нелепому стечению обстоятельств, когда Сара спросила не то, а Амелия не собиралась сдерживаться, – кажется, вы с ним общаетесь?

– В какой-то степени мы друзья. Вам ли не знать? – ехидно заметила она.

– Хорошо, – грудная клетка Сары опустилась, сбросив оковы напряжения.

– Время вышло, до завтра.

– До завтра, Амелия! – с надрывом крикнула Сара, делая вид, будто снова рада этой встрече, – Чейс!

– Да, босс?

– Она всегда... Такая?

– Нет, то есть, она всегда напряжена и закрыта, но многое может о себе рассказать.

– Например? – с заинтересованностью в голосе спросила Сара.

– Я не сделаю это даже ради вас. Ей нужна помощь. Просто дайте больше времени, – потрепав Сару по плечу, Чейс аккуратно покинул кабинет.

– Время... Оно слишком дорого стоит.

28 мая 2015

Открывшаяся тяжело скрипящая дверь офиса заставила Чейса оторвать взгляд от компьютера и тут же забыть о ви-сящем на линии потенциальном клиенте.

Прекрасная темноволосая девушка в пальто цвета чайной розы и ботинках Louis Vuitton недовольно буркнула что-то в сторону, а затем на долю секунд на ее лице появилась улыбка, означающая приветствие Чейсу. Эта девушка – Амелия. И когда Чейс смотрит на неё, у него замирает не только сердце, но и мысли. Впервые Амелия обратила на это внимание после того, как на 21 сеансе – так сказать на рубеже Сара довела ее до слез высказыванием, что та никогда не любила даже своего кота, на то, что кого-то другого. Хотя, разумеется, ревела она не из-за этого.

Сара и предположить в тот момент не могла: причина депрессивного состояния Амелии кроется вовсе не в работе или смене обстановки, а в её тревожно-скрытном душевном состоянии. Так что Чейс воспользовавшись ситуацией, тут же пригласил Амелию выпить по чашке горячего шоколада в ближайшей из кофеен. Пока Амелия пила шоколад, Чейс сверлил её взглядом и тонул, таща за собой новое чувство влюбленности.

– Привет, Чейс! – пропела Амелия, чмокнув его в щеку на виду у ожидающего второго психолога мистера Баксли.

Баксли было 50, но выглядел он на все 60. А может и на 70. Старый, скупой, вечно бубнящий себе под нос, осуждающий всё и всех, существующих на планете Земля. Особенно, осуждающий Амелию. Как-то раз она слышала разговор между ним и Чейсом, где мистер Баксли уверял того: «Эта девчонка та еще штука я тебе скажу! Смотрит на меня, взглядом пожирает! Наверняка хочет мои деньги. У меня, дружок, на такое глаз наметан! Хищница! Будь с ней аккуратней. Хотя ты ей наверняка неинтересен, слишком уж низкий у тебя социальный статус. О, Амелия! Прекрасно выглядишь! Видел, какая сумка у нее сегодня, а туфли? А я что говорю – хищница!»». В общем, тип еще тот.

– Доброе утро, мистер Баксли! Какая чудесная у вас шляпа! – ехидно заметила Амелия, направляясь к кабинету Сары.

– Спасибо, деточка, – громогласно ответил Баксли, еле слышно добавив, – так и норовит заполучить мои деньги.

Сара, как и всегда, уже сидела в удобном кресле, допивая утренний кофе. Сегодня на ней были чудесные белые расклешенные брюки и темно-пурпурная атласная рубашка.

– Здравствуй, Амелия... – устало произнесла она. Это на нее не похоже. Обычно Сара злорадствует и отчитывает Чейса, горничную, химчистку, официанта в ресторане, а Амелия делает вид, будто смиренно слушает. На самом деле она никогда не слышит, потому что её мысли орут, топают ногами и пробиваются наружу.

– Что-то случилось? – озадачено поинтересовалась та.

– О, нет, – растерянно ответила Сара, – ресторан, в котором я постоянно ужинаю, закрыли на реконструкцию, даже не знаю, где в этом городе можно нормально поесть. Что думаешь на этот счет?

– Извините, тут я вам не советчик, – твердо вставила она, вспоминая, когда последний раз выбиралась на ужин, – предпочитаю есть дома.

– Ах, да, избегаешь общества людей...

– Ве-е-ерно... – отстраняясь от темы, протянула Амелия. Теперь она поняла, что Сара не была расстроена закрытием ресторана, она лишь пыталась заполучить любые незначительные сведения от Амелии. В данном случае заставив её проявить сочувствие и выдать о себе хоть что-то.

– Не расскажешь, почему на одном из сеансов в меня полетела ваза?

– Точно... Я всё забываю выписать вам чек за очки, и видимо за вазу, – несообразно произнесла Амелия, роясь в сумке в поисках чековой книжки.

– Амелия, мне не нужны деньги, – наклонившись и дотронувшись рукой до её руки, тихо добавила Сара, – я хочу понять происходящее.

– Нет, возьмите! – настойчиво солировала она.

– У меня личный водитель и пять машин в гараже. Ты действительно считаешь, что мне нужны деньги?

– Ага... – дрожа и тихо вздыхая, ответила Амелия.

– Что произошло в тот день? Стив звонил мне...

– Мм, как он отнесся к той ситуации? – процедила Амелия.

– Я не рассказала ему, зато он добродушно поведал мне, как ты смотрела четыре часа в монитор, а затем разбила стекло в своем кабинете. Когда все прибежали на шум, ты грациозно дернулась за осколками, разрешила себе ладонь, добавив: «Перестановка не удалась. Расходимся ребята!». Я ничего не упустила?

– Всё верно, – поддакнула Амелия, – кроме одного: ладонь я порезала до того, как все прибежали, а наклонилась, чтобы оправдать кровь, стекающую на белый кафель.

– Амелия, ты специально разрешила себе ладонь?

– Я не чокнутая... Статуэтка, летевшая в стекло развалилась в моей руке на две части, одна из которых вонзилась мне в ладонь. Возможно, не вытащи я ее, такого шрама и не было бы.

– Но ты вытащила...

– Боже! Какой пытливый ум! – язвительно заметила она, – сам Эйнштейн позавидовал бы.

– Давай без этого... Почему ты кинула статуэтку? Стив сказал, что она много значила для тебя.

– Стив говорит это, Стив говорит то... Стив, Стив, Стив. В вашей жизни не много Стива, как считаете? – пытаюсь перевести стрелки начала Амелия.

– А в твоей жизни не много секретов и псевдострада-

ний? – разъяренно кинула в ответ Сара.

– 1:1, справедливо, – твердо ответила она.

– Стив спас меня... – внезапно начала Сара – хороший ход, – после развода я даже не отдавала себе отчет, какая была жизнь до брака длиною в 15 лет. У меня толком не было друзей. Точнее было парочку, к одной из них ушел мой муж. Я не пример для подражания, и мне самой нужен был психолог. Потом появился Стив и просто поставил всё на свои места: нашел адвоката, разобрался с делёжкой имущества, смог каким-то неведомым образом прижать неверного муженька и забрать мою клинику. Мне было 34, когда мы развелись. Молодая и привлекательная женщина. Казалось бы, кому не хочется запустить лапу в ее жизнь, но Эйвери стоял как солдат: никогда не спрашивал лишнего, не звонил чаще одного раза в неделю и не называл меня по имени.

– Вы влюбились? – тихо прошептала Амелия.

– Да, по уши. Ты и сама видела его... Как тут не влюбиться? Помню позвонила ему по среди ночи якобы кто-то вломился в дом, он был у меня через 8 минут... Тогда я и узнала, что Стив женат, и мне показалось, что стоит назвать его так же, как и бывшего мужа, но он оказался другим. Чётко сказал, чего не может, как себя стоит вести и кто он такой. На следующее утро я уже завтракала с его женой. Собственно, соседний кабинет – доктор Рут Эйвери. Как-нибудь загляни к ней, она расположена к новым знакомствам.

– Он умер.

– Что? Ты... О ком? – взволнованно переключилась Сара, заметив, как Амелия уставилась в пол, – Амелия?

– Бен.

– Кто такой Бен? Почему тебя заботит его жизнь?

– Бен Пирс – мой бывший. Один из... Ну, и много же их было...

– Я не осужу тебя даже за тысячу бывших, Амелия, – сетовала Сара.

– В тот день я ощущала, что он умер, и он умер через несколько часов, по правде. Знаешь, типа репетиция закончилась, началась настоящая жизнь. Не понимаю, как это произошло.

– Ты ощущала...? – не слыша истинное значение слов Амелии, Сара снова пыталась найти нить, ведущую к распутыванию клубка.

– Варгас... Кажется, твои предки могли быть пророками. Сара, ты веришь в то, что не можешь ощутить или увидеть?

– Не знаю, возможно... Почему... – заинтересованно ответила она.

– Хорошо. Пообещай, что не сдашь меня в психушку и отключи запись. Об этом никто не должен узнать. Понимаешь?

– Ладно, я отключу, но буду делать заметки, без проблем? – взволновано поинтересовалась Сара.

– Иногда я вижу странные вещи... Чувствую их... Как бы сказать... – задумчиво продолжала Амелия, пытаясь подобрать слова, – мне приснилось, что он умер. Нет, во сне он

был живой, но у меня появилось предчувствие: сейчас он прощается, и я его больше не увижу. Дело не в наблюдении за ним целыми днями. Сама знаешь, никто не хочет видеть довольно-лоснящихся бывших. Просто... Я не ожидала столь резкого поворота.

– А чего ты ждала?

– Что он будет жить лет до 50, женится на этой тупой девчонке, она мне очень не нравится, у них родится двое детей, и раз в несколько лет мы будем пересекаться в местном магазине.

– Какая официальная причина смерти? Как психолог я могу добавить, что, вероятно, у вас была сильная связь, если ты действительно это ощущала.

– Я знаю, – с недоумением взглянув на Сару, сказала Амелия.

– Извини, мне показалось, что ты не знаешь, поэтому...

– После сна я так и не смогла снова закрыть глаза, через несколько часов, когда я ехала сюда мне позвонила старая подруга. Они с Беном жили в одном городе. И сообщила мне, что он ночью впал в кому, и умер несколько часов спустя... Я не понятия не имела, что ответить, поэтому промолчала.

– Что ты испытала в этот момент?

– Ничего, – решительно ответила Амелия.

– Совсем? Может, были какие-то мысли?

– По приезду в офис я зашла на страницу его девушки, был свежий пост с датой и временем службы и в тот момент

меня немного сломило...

– Это произошло до или после разбитого стекла?

– До... Кажется, до... – запуганно вторила она.

– Амелия, какие чувства ты испытывала перед тем, как схватила статуэтку?

– Растерянность, а затем резкую злость... Поэтому я и схватила статуэтку. Он подарил мне ее, как и эту цепочку, – достав из-под ворота водолазки цепочку из белого золота, Амелия покрутила ее перед Сарой, – он не был любовью всей моей жизни, какое теперь имеют значение мои чувства?

– Очень красивая цепочка, он был внимателен к тебе.

– Ага... Она была сделана на заказ. Знаешь, что странно?

В тот день у меня порвалась моя цепочка, поэтому я надела эту... Так и не смогла ее снять до сих пор. Нужно съездить за новой...

– Амелия, ты позвонила его родителям или его девушке с соболезнованиями?

– Нет... Ты считаешь, должна была?

– Ты мне это скажи, – вставила Сара, с интересом рассматривая вжатую в угол дивана Амелию.

– Это был не мой праздник жизни... Сара, я не смогла бы это сделать, вот и всё. Не хочу обсуждать ситуацию в таком контексте.

– Хорошо, тогда опиши своё отношение в тот момент к произошедшему. О чем были твои первые мысли? – Сара вновь и вновь задавала один и тот же вопрос.

– Несколько часов я пыталась вспомнить наш последний разговор. Однако так и не смогла! Не помню, как пришла к слезам.

– Слезы – это нормально в данном случае, не думаешь? – поддерживая её, ответила Сара.

– Две скупые капли считаются?

– Это лучше, чем ничего. Верно? Что-то еще можешь сказать?

– Мне жаль... – прошептала Амелия, будто боясь, что кто-то услышит.

– Тебе жаль его? Он покинул этот мир и всё такое.

– Нет. То есть да, но...

– Расскажешь?

– Мне жаль, что я отняла несколько лет его жизни, Сара... – не успев договорить, голос Амелии надорвался и несколько горячих слёз скатились по ее щекам.

– Почему ты так говоришь, милая? – поинтересовалась Сара, передвинув салфетки на сторону Амелии.

– Что, если он не был счастлив со мной? Может его жизнь могла сложиться иначе без меня! Та девушка могла стать его судьбой? А я лишь отняла время! У него и так его было немного... И тут я, как снег в июне!

– Хм... Хочешь послушать моё мнение?

– Да... – неловко ответила она.

– Я думаю, если бы он не был счастлив, не любил тебя – он бы ушел сразу же. Амелия, этот парень, Бен, шел рядом

с тобой, не замечая никого и ничего в мире. Ладно, когда он познакомился с этой девушкой?

– О, мы учились вместе. Поэтому... Довольно давно.

– Теперь ты слышишь, о чем я говорю? Он заметил ее лишь, когда вы были не вместе. Сколько времени ему понадобилось на это?

– Примерно год, может чуть больше... Он возмущался, что я быстро нахожу себе парней. Если бы он только знал...

– Знал что?

– Неважно... – махнув рукой, ответила она.

– Давай подытожим, Бен Пирс любил тебя до потери пульса... Прости, до потери сознания... Ладно, не знаю, как это сказать, ты поняла. И я уверена, он был с тобой до умопомрачения счастлив. Теперь ответь мне, Амелия, кто внушил тебе, что тебя нельзя принимать и быть рядом с тобой счастливым?

– Не сегодня! – внезапно вскочив с места, заявила Амелия.

– У нас есть еще 4 минуты! – кричала в след Сара, – 4 минуты на то, чтобы понять тебя...

23 декабря 2003

Вся проблема первого поцелуя заключается в границах дозволенного и в неуверенности ожиданий твоего собеседника.

Ты наблюдаешь за ним часами. Знаешь его привычки и смех, звук которого достигает твоих барабанных перепонок. Ты можешь рассказать всё о его интересах и пристрастиях.

Но грань дозволения поцелуя... О, это совсем неизведанная территория. И ты либо решаешься сделать шаг вперед, мягко коснувшись его губ, либо проваливаешься в пропасть ожидания.

Поцелуй без пошлости и разврата. Только тепло, трепет и сладость от твоего вишневого бальзама для губ. Поцелуй, что порождает любовь в твоём трепещущем сердце и шум в ушах, окутывая нежностью и новой волной энергии, собранной по кусочкам Вселенной.

– Как тебе такой цвет? – спросила Джессика Амелию, покрутив у нее перед носом розовой маминой помадой от MAC.

– Класс! – восторженно воскликнула Амелия, подняв большой палец вверх, – может, останемся дома? Посмотрим фильм...

– Амелия! Мы обязаны быть на этой вечеринке! Все

идут! – схватив её за руку, Джессика внезапно потянула Амелию к зеркалу, висящему на шкафчике в ванной, – взгляни-ка сюда... Кто это?

– Это я, – устало пробубнила она.

– Ты это кто?

– Я – Амелия Клермонт ученица средней школы Хэмптона.

– Тогда в чём проблема? – улыбнувшись, Джессика потрепала Амелию за щечки и похлопала следом по плечу.

Впервые Амелия и Джессика поздоровались друг с другом, когда в 3 классе мисс Шеффорд посадила их за соседние парты. Джессика была чуть выше Амелии, но чуть пухлее, видимо так на нее влиял диабет. С тех пор они стали лучшими подругами: делились секретами, играли в одни игры, обсуждали мальчишек и делали время от времени вместе домашние задания. Конечно, было и многое другое: они курили отцовские сигары, когда никого из взрослых не было дома, кидали пакеты с водой из окон в мотеле, покупали уличные хот-доги и срывали яблоки с чужих деревьев.

На одной из вечеринок по поводу дня рождения Амелии Джессика потрепала ее символично за щечки, и это стало своеобразным символом их крепкой дружбы. В тот момент они решили – лучшие друзья навсегда.

– Джесс, мне не хочется туда идти, вечеринка у Грегори не самое лучшее событие года. Ты так не думаешь?

– Потому что Грегори по уши в тебя влюблен? – игриво

заметила она.

– Нет! – воскликнула Амелия и сразу же принялась подкрашивать ресницы на правом глазу, – передай фиолетовую подводку, вместо своей болтовни, – резко произнесла она, искоса поглядывая за тем, что делает подруга.

– Классные стрелки, Амелия! – вернувшись в ванную, произнесла Джессика, – какая кофта лучше? Розовая или синяя?

– Я надеваю розовое платье с синей кофтой, а ты синее платье с розовой. Окей, Джесс? – деловито заявила Амелия. Она всегда была будто умнее, старше и главнее в их отношениях. Однако если дело касалось глупостей или развлечений – здесь преуспевала Джессика, первое место безоговорочно. Хотя стоит ещё поразмышлять, кто какую роль играл.

Придя на вечеринку к Грегори, Амелия чувствовала себя словно маленькая устрица, которую вот-вот вынут и отправят прямо в рот. Ее розовое легкое платье с пышной юбкой развивалось на ветру, и лишь накинутая сверху синяя кофта не позволяла замерзнуть и скрыться от чужих глаз около дерева во дворе.

Вообще-то Амелия отправилась на вечеринку из-за желания провести время с Кэмберленом, но мало ли кто чего хочет...

– Хэй! Амелия! Я нашел тебя! – с довольной ухмылкой кричал Грегори, в буквальном смысле делая шаг за пять в ее направлении.

На самом деле Амелия любила Грегори, но по-своему, пока он не начинал ей мешать. А Грегори кружил вокруг словно навозная муха. Он читал ей стихи, знал, что ей нравятся лилии и она завивает волосы в полшестого утра. На этом достоинства Грегори заканчиваются, не считая выгоревших белесых волос и небесно-голубых глаз. Его лишний вес не является чем-то ужасным. Однако однажды, кажется, это было еще в первом классе, Грегори подошел к шкафчику Амелии в школе и бросил туда записку с признанием в любви. Естественно, ей не составило труда выявить автора, ведь следы от его толстых пальчиков остались на дверце. Через месяц после «тайного» происшествия Грегори обнял Амелию мокрыми от волнения ладошками. Может, если бы он не был толстым, то руки остались более сухими? Амелия всё-таки приняла решение оградиться, дабы избежать влажных хитроspлетений. В последующем Грегори часто просил помощи Амелии в решении задач по математике, она ему отказывала, аргументируя это нехваткой времени, а он никогда не признавал, что больше влюблен, чем глуп.

– О, Грегори! Привет! Как дела? – пытаюсь не выдать себя, спросила Амелия.

– Ты, что, скрываешься здесь? – шутливо произнес Грегори, как бы ни замечая причину прятков за деревом, – что-

то происходит?

– Нет, всё в порядке, я просто... – задумавшись на секунду, Амелия пришла к выводу – у нее нет плана побега, – вышла подышать.

– Я могу подышать с тобой. Не собираешься присесть? – Грегори, указал на стоящую рядом скамью, – классные одуванчики. Хочешь, соберу тебе букет?

– Знаешь Грегори, мне пора идти... – одергивая платье вниз, Амелия внезапно подняла глаза в поисках подмоги, – Джесс будет волноваться, что меня долгое время нет.

– Почему ты всегда выбираешь его?

– Нам лучше вернуться внутрь, становится холодно, – прикрывшись не то ложью, не то кофтой, произнесла она.

– Где тебя носило?! – возмущенно спросила Джессика, стараясь перекричать музыку.

– Во дворе...

– Что? – не расслышав повторила она.

– Говорю во дворе! – повысила голос в ответ Амелия.

– Смотри! Грегори уже соскучился! – ехидно заметила Джессика и засмеялась так громко, что Амелия забыла об играющей музыке.

Озираясь по сторонам, Амелия заприметила одиноко сидевшего парня в другом углу комнаты. Может Кэмберлен теперь обратит внимание на её присутствие здесь.

– Кто он? – заинтересовано крикнула она Джессике.

– Не знаю, кажется, он пришел с Фабио. А что? Что та-

кое? – всё еще перекрикивая музыку, надрывалась подруга.

– Ерунда, не бери в голову!

– Девчонки, вы чего держитесь особняком? – игриво подскочил Фабио, заметив пристальные взгляды и обхватив обеих за талии, шутливо продолжил разговор.

– Привет, Фабио! – улыбнувшись, пропела Амелия.

– Мы просто не хотим в толпу, – сердито одернула его руку Джессика.

– Это твой друг? – кивнув в сторону незнакомца, спросила Амелия.

– Да, это Бэн. Мы учимся в одном классе. Ты разве не видела его раньше?

– Не замечала, видимо он тоже держится в стороне, – верно подметила она, – он мне нужен, – нарочито произнесла Амелия, – Фабио, приведи, я хочу его для себя.

Не только Фабио, но и все окружающие знали: Амелия хочет – Амелия получает.

– О'кей, детка! – резко произнес Фабио и скрылся в толпе танцующих девчонок.

Фабио хоть и не обладал высоким интеллектом, зато был высоким плечистым темноволосым красавцем. Джесс, конечно, он не интересовал, ей по душе был Сэм Хьюфорд из выпускного класса. Иначе они бы смогли ходить на двойные свидания и делиться общими тупыми шутками, но Джесс оказалась той еще упрямецей.

– Может, обратишь внимание на Фабио? Он ничего, – под-

мигнула Амелия.

– К твоему сведению он весь вечер крутился с Руди, – сердито заметила Джессика, будто этот факт что-то менял.

– Ну, да, а ты не спускала глаз с Хьюфорда! – подтрунивала ее Амелия. Джессика всегда боялась даже сказать ему «Привет», не говоря уже о чём-то большем. Красавчик-Хьюфорд, естественно, и понятия не имел о ее существовании. Как Амелия ни старалась ему намекнуть о симпатии лучшей подруги, тот всё не мог понять, чего она от него хочет. В конечном счете, Хьюфорд после этой вечеринки начал встречаться с новенькой из 8 класса. А Джессика из-за своей трусости и глупости грызла себя за это до окончания школы.

– Я пошла, ты можешь продолжать пялиться на Хьюфорда! – крикнула Амелия, завидев как Фабио машет ей рукой из таинственного угла комнаты.

– Бен, это Амелия! – представив, Фабио взял её руку и легким движением проводил ближе к Бену, – красавица, правда?

– Да, ты красивая... – смущенно произнес Бен.

– Ну, надо же! Какой стеснительный, – едва сдерживая смех, констатировала Амелия, – почему ты не танцуешь? – спросила она, наклонившись к нему еще ближе.

– Не танцую, если честно...

– Но ты пришел, зачем же?

– Это всё Фабио, он считает, что мне нужно больше выходить в свет, иначе к выпускному мне даже некого будет при-

гласить на пром.

– Ну, я могу пойти туда с тобой, если хочешь, – засмеялась Амелия.

На самом деле она не собиралась на пром с Беном. Но он казался милым и вполне симпатичным для человека без какой-либо репутации. Такие парни обычно невидимки. Никто не заметит ни их присутствия, ни тем более их отсутствия. Конечно, Бен был в ее вкусе: высокий, спортсмен, светловолосый, голубые глаза, довольно приятный голос, не задает лишних вопросов. Для Амелии – идеальный вариант.

– Чем ты занимаешься в свободное время, Бен? – неожиданно для себя решила поинтересоваться Амелия.

– Я футболист, играю за школьную команду.

– О, здорово!

– Ты не видела меня раньше, верно? – расстроено спросил он.

– Никогда, – ответила Амелия, всё еще пытаясь перекрыть музыку.

– Музыка стихла. Ура! – задорно произнес он. Очевидно, этим он планировал развеселить Амелию, но не вышло несмотря на то, что она засмеялась из-за приличия или скуки.

– Не хочешь пригласить меня на танец, Бен? – услышав следующую песню в исполнении Ричарда Маркса «Right here waiting», Амелия поняла, что либо сейчас она будет танцевать с Беном, либо Грегори настигнет ее и потащит потны-

ми ладошками на танцпол, а Кэмберлен останется в стороне. Из двух зол стоило выбрать меньшее. По крайней мере, с Беном ее розовое платье останется сухим и ей не придется слушать нервное дыхание Грегори, у которого коленки в ее присутствие подкашиваются.

– Я плохо танцую... – скромно пролепетал он.

– Достаточно не наступать мне на ноги и всё будет чудесно! – заметила она, потянув его за собой в центр, где толпилась куча не приглашенных девчонок.

Амелия была популярной и не ущемляла себя во всеобщем внимании. Если лучший парень школы – значит ее друг или просто её словно вещь. Если место на вечеринке – значит в центре зала. Так было во всем. Всё, к чему прикасалась Амелия, становилось золотым слитком. Хотя на деле причина этого для Амелии оставалась тайной.

То же произошло с Беном. Парень, которого никто никогда не замечал, внезапно обрел популярность, и даже голос. Его стали приглашать на крутые вечеринки, девчонки постоянно норовили сделать с ним фото и выложить на Facebook, парни из футбольной команды выпускников время от времени звали его к себе на игры. Всё это он приобрел меньше, чем через месяц ухаживаний за Амелией. Но голос, конечно, появился гораздо позже. В конце концов, дипломатом в отношениях была Амелия, а не безропотно выполняющий все её прихоти Бен.

Безусловно, никто из них и вообразить не мог, что у них

завяжутся отношения, тем более Амелия, знающая цену своей свободе. Единственным плюсом их отношения было то, что Бен благодаря ей стал действительно стоящим футболистом и претендовал на стипендию. Пока не произошло нечто странное...

апрель 2003

В первый месяц ухаживаний за Амелией Бен каждый день покупал для неё по одной розе. На второй месяц – это был бельгийский шоколад и роза. На третий – наборы киндеров и небольшие букеты. К четвертому месяцу Амелия впервые чмокнула Бена в щеку. Это произошло, когда Бен решил после тренировки навестить её в гости. Конечно, Бен не знал о чрезмерном гостеприимстве Амелии. Если бы она могла поставить вокруг дома колючую проволоку и провести ток – она бы это сделала, можно не сомневаться. В любом случае, в тот счастливый для Бена день Амелия мягко объяснила ему, что не следует так делать и словно ей необходимо бежать на тренировку по фехтованию, затем у неё занятия по итальянскому языку и вообще еще куча дел. На самом деле очевидно – единственное, чем занималась Амелия – смотрела новое ток-шоу, мечтательно поедая мороженное, тающее в правой руке и шоколад в левой.

За этот скромный поцелуй Бен откладывал деньги со школьных обедов и как можно чаще просился на тренировки и игры к команде выпускников, ведь только так он мог иметь собственные сбережения.

На пятый месяц их отношений Бен подарил Амелии огромного белого плюшевого медведя, нежно держащего в своих лапках красное сердце. Как позже говорил Бен: «Он

такой же светлый и милый, как Амелия Клермонт, и так же крепко держит сердце, как ты хранишь в своем плену моё». Звучало весьма глупо, но сработало. Амелия сделала первый шаг и легко коснулась лица Бена холодной от мороза рукой. Оторопевший паренек застыл на несколько секунд, длившихся словно вечность, и притянул Амелию к себе.

Всё, что чувствовала в тот момент Амелия – как леденящий воздух из легких Бена поднимается вверх и направляется прямоком на неё, обволакивая медленно всё её робкое тело. Бен никогда не узнает, что тот нерешительный поцелуй для Амелии был первым. Впрочем, как и Бен.

июнь 2007

Я с невероятной четкостью помню твои поцелуи и аромат, который ты источал. Когда я встречаю прохожих с подобным запахом, меня накрывает волна тошноты и страха. Хотя бояться мне с тобой было нечего. Если только... Себя...

Ты любил целовать мою шею и горячие от твоих прикосновений плечи, пока я не вскрикивала: «Довольно!».

Вероятнее всего я долгое время не открывала дверь, потому что слышала твоё учащенное сердцебиение, задаваясь вопросом: «Он хорошо к тебе относится, дай ему шанс».

Глубинные чувства не изменили ни меня, ни мои реакции на твоё присутствие в моей жизни.

Прости.

Похоже ты любил меня не только в этой жизни, но и во многих других. Хотя поступал весьма опрометчиво и глупо.

Амелия бесконечно прокручивала в голове весь процесс. Под процессом, конечно, подразумеваются их отношения. Вспоминала, как Бен мог часами целовать ее. Как он снова и снова касался её тела своими руками, нежно проводя по спине иногда, будто нарочно задевая грудь.

Амелия никогда не была глупой, пусть таковой её считали окружающие, удобная маска для красивой девушки. Поэтому, когда Бен умышленно задевал те части тела, которые

не следовало, Амелия просто закрывала глаза и первое время старалась представить, что ничего не происходит, в последующем она размышляла о другом человеке. И вроде бы всё это становилось не таким противным, неправильным, как могло показаться изначально. По большому счёту она хотела почувствовать себя нужной и привлекательной. Только вот ощущения поднимались совсем иные.

Ни то что бы Амелии мешали отношения с Беном, но на пользу они ей явно не шли. Показательным примером отклонения этих отношений был вес Амелии: после возвращения из мирового турне по фехтованию в октябре 2003 Амелия весила без малого 60 килограмм и всего за несколько месяцев отношений с Беном она похудела почти на 20 кило. В конечном счете, к концу их отношений она весила столько же, сколько составлял ее вес в 12 лет. Вы вообще видели маленьких 12-летних девочек?

Когда в июне Амелии стало скучно, а Грегори снова лез со своими глупыми расспросами, она позвонила Бену.

– Я помню, что у тебя важная игра с ребятами, но, может, заедешь за мной? – будто невзначай спросила она. Ответ ведь был очевиден.

– Скоро буду, детка!

Амелия ненавидела, когда Бен её так называл, но не трудно догадаться, что на счёт этого она то же предпочитала молчать.

– Куда едем, дорогая?

– К тебе, – скомандовала она.

Не ожидавший такого поворота событий Бен, сначала глупо смотрел на Амелию, а затем молча поехал в направлении дома.

– А у вас ничего, симпатично. Даже есть небольшой бассейн. Прикольно, – смущенно протараторила она, хотя на деле испытала очередную волну презрения.

– Это не бассейн, это как клумба для цветов... – неловко пробормотал Бен.

– Собираешься открывать дверь? Или будем торчать на улице? – возмутилась Амелия, облокотившись о мокрые от утреннего дождя перила.

Войдя в дом, она не заметила ничего необычного или привлекательного. По крайней мере, для неё из соблазнительного здесь явно были только яблоки и абрикосы, растущие на деревьях в саду.

Следующие два часа Бен так настойчиво лез к ней под юбку, что у Амелии лопнуло терпение. И, казалось бы, она должна была поставить в тот момент точку, однако Амелия просто сняла юбку.

– Я достаточно притязательная, медвежонок?

– Да...

– А достаточно ли я сексуальна? – абсолютно серьезно задала вопрос Амелия.

– Ага... – еле сглатывая слюну произнес в ответ Бен.

– Ты обо мне думаешь, Бен?

– Конечно, ты ведь... Ты красивая и...

Резко сдернув с себя майку, Амелия медленно подошла к трепещущему Бену и чмокнула его в щеку. Затем взяла его правую руку и положила на своё бедро.

– Ну, а чего ты хочешь теперь? – абсолютно серьезно и сосредоточено спросила она.

Вместо ответа Бен притянул Амелию к себе и повалил на диван. Он покрывал каждый сантиметр её тела горячими страстными поцелуями, а Амелия продолжала задавать вопросы, ответы на которые никогда не прозвучали бы в этой комнате.

В какой-то момент Бен остановился и произнес лишь одно:

– Может мы... – не успев дослушать, Амелия взяла его голову в свои руки и опустила вниз. Для неё было важно, чтобы он молчал. Порой он набирает в рот воды, и их отношения выглядят нормальными.

Когда Бен поднял взгляд на Амелию, она лишь повернула голову в другую сторону, куда угодно – только бы не смотреть в его глаза. Бен не понял четкого намека и, обхватив ее груди руками начал покрывать их поцелуями. Следом он поднял её таз и резко вошёл, одарив ее губы страстным мокрым прерывистым поцелуем. Амелия в ответ лишь закусилась его нижней губу. И пока Бен растирал пальцами правой руки струящуюся с губы кровь, она проваливала тщетные попытки забыть о ненависти к нему.

– У тебя сегодня игра, не трать много сил на меня, – констатировала Амелия, старательно придумывая пути отхода.

– О... Амелия... Поговорим потом? – искренне промолчав, Бен окинул её холодным взглядом непонимания.

Он не мог кончить еще около получаса. Однако Амелии казалось, что это длилось гораздо дольше. В какой-то момент её это разозлило на столько, что она решилась оттолкнуть всеми силами Бена как можно дальше от себя.

– Слушай, отвези меня домой, – внезапно после долгого молчания произнесла Амелия, натягивая юбку.

– Ты уверена? Не хочешь выпить? – с полным недоумения взглядом спросил Бен.

– Отвези меня домой! – закричала она. Переведя через несколько секунд дух, она спокойно продолжила, – отправляйся на игру.

Почти всю дорогу в машине царило молчание, пока Бен вновь не раскрыл рот.

– Классно вышло, правда?

– Что? – произнесла Амелия, точно её отвлекли от сверхважного дела – просмотра мелькающих улиц за окном.

– Ну, сегодня такой важный день и меня скорей всего отберут в университет со стипендией. Расскажешь родителям? Им будет интересно узнать, что мы перешли на новый уровень.

Он всё не мог заткнуться, а это бесило Амелию еще больше, чем та чушь, которую он нёс. В мыслях проносилось

лишь одно: «Заткнись. Заткнись. Заткнись. Зачем я это сделала? Как я тебя ненавижу. Замолчи...».

Затем она выдохнула и ровным тоном произнесла:

– Просто сделай для команды всё возможное. Затем что мне нужны деньги на новую кофту с Гуффи, полагаю, где находится магазин Gucci, ты запомнил.

– О'кей, детка. Люблю тебя! – не успев отъехать от дома Амелии, он крикнул в след, – увидимся вечером?

– Не думаю. Пока! – устало произнесла она, махнув рукой на прощание.

Между тем Амелия старательно не выходила из дома и вообще вошла во вкус, играя в приложения на подобие Sims. Это ведь так легко: строишь дом, находишь парня, бросаешь его в тот момент, когда тебе этого хочется и дело сделано. В жизни увы так не получается, постоянно возникают осложнения на подобие «детка, я люблю тебя, я не спорил с ребятами, что затащу тебя в койку через год отношений, что ты, не дуйся, у нас же всё в норме». Это не просто бредовая фраза. Это одно из сообщений в общем чате ребят из его команды. Ничего странного, верно?

Несмотря на то, что Амелия пыталась отдалиться, после этого происшествия они виделись каждый день. Амелию это раздражало еще больше. Бена, наоборот, чрезмерно радовал. Позже его отметили в списке для зачисления со стипендией, однако всё зависело лишь от крайней игры в будущую среду.

– Ты будешь на моей игре? Все девчонки придут...

– Нет.

– Я заеду... То есть... Погоди, нет? Тебя не будет? – удивленно переспрашивал он, будто одного отрицания было недостаточно.

– Бен, меня не будет на твоей чёртовой игре! Так яснее? – раздраженно произнесла она, молясь избежать вопросов этого попугая.

– Не понимаю... Почему? – ради разговора он даже заглушил мотор.

– Я уезжаю с Джейн в Хэмптон.

– Мы и так в Хэмптоне, – повисшее в воздухе напряжение могло спровоцировать взрыв.

– Речь сейчас о другом Хэмптоне. О том, который повыше.

– Ты можешь поехать после игры?

– Я не хочу оставаться из-за дурацкой игры, извини. Заводи машину и поехали. Я устала.

– Не знаю, что тебе на это ответить, – обиженно процедил Бен.

– Ничего не говори.

Оставшуюся часть пути они ехали под звуки, доносящиеся из радиоприемника.

– Я у тебя был не первый, да?

– Не носи чепуху! – прикрикнула на него Амелия.

– Точно...

– Ты совсем тупой?

– А что? Ты не выглядела как девушка, у которой никого не было, тем более ты сказала бы, что тебе больно и всё такое.

– Просто замолчи. Прекрати! Ладно? – раздраженно вопила она.

– Наверно, нам стоит расстаться, при таком раскладе... – обиженно заявил Бен, сам того не осознавая.

– А знаешь что?! Ты прав! Впервые из твоих уст прозвучало нечто стоящее!

Друзья. Кажется, они навечно, и не судят тебя за глупости. Верно?

Друзья чутко интересуются как прошли твои выходные и по-особенному прикрывают спину в то время, когда это необходимо.

С завидной периодичностью ты можешь их раздражать, однако они никогда не перестанут удивляться твоей способности строить замки, где нет койко-места для скуки.

Друзья звонят тебе, выслушивают недовольства, помогают выбрать лучшее фото, проверяют твои посты на ошибки, а еще терпеливо смотрят фильмы с субтитрами, даже если ничего не понимают на деле.

Друзья...

Пока ты не заметил, что от вас ничего осталось.

– Джесс, это мой попкорн, если ты не забыла! – воскликнула Амелия, раскачиваясь всё выше и выше на качелях.

– Ой, да, ладно тебе! Я совсем чуть-чуть, подружка, – пережевав очередную порцию попкорна, задорно ответила Джесс.

– Ну, мне-то оставь, – произнесла Амелия, спрыгивая с качели, – подружка! – Ох, уж этот попкорн со вкусами банана и шоколада.

– Где ты была вчера? – поинтересовалась Джессика.

– С Беном... – закидывая одну ладошку попкорна за дружкой, смущенно пробубнила Амелия.

– Кажется, он помогал ребятам из выпускной команды перед комиссией университета?

– То-о-о-очно... – протянула Амелия.

– Ты что-то темнишь, подруга. Говори, – пихнув Амелию в плечо, Джессика прекратила жевать и внимательно посмотрела на собеседника.

Через три минуты тишина наконец-то прервалась. Амелия осмелилась раскрыть рот. Хотя сама она не была уверена, что это того стоит.

– У нас...

– Что? – вскинув брови, вновь спросила Джессика.

– Кое-что произошло! – раздраженно воскликнула Амелия.

– Например?

– У нас был секс, Джесс! Боже!

– Воу. Ты... То есть... – никто не ожидал такого поворота, особенно слабая на эмоции Джессика. Она начала мямлить и пыталась подобрать слова вместо однозначного ответа.

– Не нужно только сейчас нотаций. О'кей? Это чепуха! И я не намерена обсуждать произошедшее событие, – твердо произнесла Амелия. По большому счету, в этом она была уверена больше, чем в том, что вообще стоило открывать рот.

– Было... Приятно или...? Ну, знаешь... – всё еще мямлила Джессика, хотя, судя по всему, её любопытство не имело границ.

– Никак не было. Я... Джесс, я какая-то не такая. Мне было это безразлично, и я правда ничего не чувствовала, мне не требовались вновь те переживания. Закрыли тему? Не хочу об этом слышать.

– Ладно. Но, если захочешь поговорить... Кто-нибудь еще знает?

– Ты, что, пьяна?! – воскликнула Амелия, удивленно и вместе с тем грозно смотря на подругу.

– Просто решила уточнить... – будто оправдывается Джесс, – Было бы неплохо поговорить об этом с кем-то взрослым.

– Также неплохо, как если бы ты приняла обет молчания? – это прозвучало обидно, но у Амелии не было другого выхода. В конце концов, она ожидала поддержку подруги, а не осуждение и признание.

– Тебе, правда, не понравилось? – после долго молчания внезапно спросила Джесс.

Сейчас этой информацией обладала лишь она, а следом узнают и остальные.

Как говорится: *«Знают двое – знают все»*.

Вбежав в дом, Амелия направилась напрямиком в ванную, где сидела с ощущением вот-вот начавшегося приступа тошноты. Однако ничего не произошло. Чувство того, что всё съеденное за день окажется перед ней, не покидало её целую неделю. У неё дрожали руки и подкашивались ноги. В высшем Хэмптоне они с Джейн решили остаться до конца летних каникул. К сожалению с Джесс они больше не общались, следовательно, делать в городе одной фактически было нечего.

Так, утром Джейн и Амелия, отправлялись на прогулку по туристическому Хэмптону, где всегда можно было найти красивых парней (естественно, они приглашали их к себе на вечеринки), выпивали по несколько коктейлей, шли на пляж, а затем наряжались к вечеру. На их вечеринки приходили толпы гостей, в том числе, и парни-туристы. Все напивались. Курили травку. А потом Джейн вызывала несколько человек из охраны, чтобы те прогнали всех гостей. Затем они выпивали еще немного, выкуривали последний ко-

сяк и ложились спать. Так было на протяжении двух недель.

Перед отъездом из верхнего Хэмптона Амелия не могла выпить, поэтому домой возвращалась трезвая и в слезах. Не из-за тоски по Бену, а из-за безвыходности положения: она вернётся одна в район, где каждая девчонка ждала их расставания; к тому же теперь у неё нет свободных денег, а просить у родителей не хочется; от неё отвернулась лучшая подруга; да, и Амелия просто ненавидела сама себя за случившееся.

Эти две недели были как в тумане. Бен звонил через день, но она не отвечала на его звонки. Поэтому он писал. В сообщениях, конечно, была несусветная чушь и ложные предположения. Их Амелия тоже оставляла без ответов. Рано или поздно расставание этой парочки было неизбежным. Точнее, необъяснимо, почему оно произошло столь поздно. Ведь всё это время Амелия расставляла приоритеты в своей голове, и одного пункта там определённо не было.

Пункта с названием «Бен».

28 июня 2015

– Доброе утро, Амелия! – радостно пропела Сара, завидев, как та входит в кабинет.

– Ага, привет... – тихо произнесла Амелия, подумав, что психотерапевт не расслышала, она повторила, – привет, Сара!

– Что ж... – Сара начала листать папку Амелии, и достав нужный лист, продолжила, – приступим. У нас был вынужденный перерыв на целый месяц. Ты ведь помнишь правила?

– У меня есть перерыв равный одному месяцу раз в полгода. Верно?

– Надо же! Ты всё прекрасно усвоила. Не подскажешь мне, что повлекло твоё отсутствие в течение нескольких недель? – задав этот вопрос, Сара уставилась на Амелию одновременно с интересом и удивлением.

– Ну, я использовала своё право на каникулы от всей этой психической чуши, поэтому оставшиеся... Хм... 8 месяцев у меня не будет выходных.

– Скажи Амелия оно того стоило?

– У меня всегда есть возможность проигнорировать ваши вопросы и самое главное – я могу часами молчать.

– Оригинально...

– Не жалуюсь на свою социофобию! – задорно ответила она, сделав глоток воды. На самом деле она заприметила це-

почку Бена и её снова настигла тошнота. Определенно, дело было не только в цепочке, но и в том, что до того, как превратиться из милой принцессы в стерву, Амелию запирали в туалете и стаскивали с неё одежду. Собственно, чему потом удивляться?

– Давай-ка обсудим случившееся... – чуть было не начала Сара, но её прервал внезапно раздавшийся телефонный звонок, – извини, Амелия, это Чейс.

– Кстати, где он?

Пытаясь вслушаться в разговор Амелия в буквальном смысле, не дышала. Однако Сара говорила так странно, односложно «угу», «конечно», «поняла» и всё в таком стиле. Сделать конкретные выводы, естественно, не получилось.

– На чём мы остановились? – растерянно спросила Сара.

– Я спросила, где Чейс?

– Амелия... Он в клинике. Не хотел тебя беспокоить...

– То есть?

– Ничего серьезного, – устало пробормотала психотерапевт, – перелом ключицы, с операциями точно покончено, осталась реабилитация.

– Боже... Как это произошло? Почему он не позвонил мне? – оторопело вторила она, точно сама не могла поверить в услышанное.

– Вот что... Я напишу тебе адрес, и ты съездишь к Чейсу, навести его, он может и гордый парень, но определенно будет тебе рад. Договорились?

– Да, ладно...

– А теперь перейдем к тому, что действительно имеет значение в данный момент времени. Ты попрощалась с ним?

– Нет, – незамедлительно ответила Амелия.

– Можешь сказать почему?

– Это не мой праздник жизни... – кажется эта фраза входит в привычный обиход.

– Что ты имеешь в виду, Амелия?

– Не я должна его оплакивать. Пускай это делают родственники, невеста и Бог еще знает кто! – к концу своего предложения Амелия внезапно повысила голос на столько, что это могло сойти за крик.

– Не жалеешь об этом?

– Странно, но нет... Многие дни я провела в самой большой церкви Сиднея. Сидела там часами, молилась и ставила свечи. Знаешь, думаю этого достаточно для прощания, так?

– Какие эмоции ты испытывала, находясь там?

– Ровным счетом ничего. Тошнота считается? В юности мне казалось, что, наверное, я люблю его, но я ошибалась... По-своему, конечно, да, но по факту... Я была лошадкой, загнанной в вольер, которой нужно было бегать целыми днями по кругу лишь бы не сойти с ума! Я сожалею, что отняла у него эти годы. С другой стороны, стал бы он тем, кем был? Добился бы успехов в спорте? Я не понимаю... Что если всё это произошло по моей вине? Если бы он ушел из спорта гораздо раньше, это могло всё изменить? Любил ли он ме-

ня? Я отдаю себе отчет, что без любви меня нельзя было бы вынести... Если только не преследовать какую-то свою выгоду. По большому счету я красива, умна, хоть это и тайна, у меня была популярность и влияние. Я могла вступить за любого в школе и к нему никогда больше не лезли, ведь со мной не следовало связываться. Сара, взгляни, у меня остались сотни вопросов без ответов... – резко остановилась она на полуслове.

– Прости, мне нужно это сказать: Амелия, а хватит ли твоих слов и действий для прощения? – тихо спросила Сара, наклонившись к ней как можно ближе.

– Я пообещала, что приду к нему... Но...

– Дыши, всё в порядке, мы не торопимся, – попыталась успокоить ее Сара, заметив реакцию Амелии, что вот-вот может вспылить.

– Я не могу, Сара. Не могу! – закричала Амелия, закрывая глаза, чтобы не выдать дрожь в голосе.

Дав пятиминутный перерыв Амелии, Сара направилась в приемную: убедиться, что новенький курьер вовремя привез печенье и кексы. Сегодня Сара выглядела особенно привлекательно: темно-зеленое платье чуть выше колен, на одном из которых виделся шрам; длинные сапоги песочного оттенка и бордовый плащ, красующийся на вешалке. К сожалению, чего не скажешь об Амелии: голубая блуза, фиолетовый укороченный пиджак, черные рваные джинсы, подчеркивающие худые длинные ноги, и темно-синие грубые ботинки

с мехом. Перерыв был дан, чтобы выдохнуть и собраться с мыслями, однако Амелия вновь и вновь сравнивала себя и Сару, будто это могло что-то прояснить.

– Сразу скажу, я не читала письма, которые ты присылаешь о ваших отношениях, о конфликтах, вообще любых воспоминаниях. Понятия не имею, о чем ты пишешь в них. Мы прочтем твои письма, когда я пойму, что ты готова.

– Ладно... – еле слышно произнесла Амелия.

– Ты всё еще не сняла ту цепочку: белое золото, необычное плетение, выполнена на заказ. Я разбираюсь в психологии, помнишь?

– Да, не было времени купить новую, много работы...

– Работа, ага... – эти слова прозвучали с ноткой недоверия в голосе Сары, но она не подала виду и вновь начала листать записи в карте, – давно эта цепь у тебя?

– Эм... Кажется, лет 8, может 9... В общем Бен подарил мне её на мой крайний совместный день рождения.

– Наверное, это было классное день рождения: тебе 17, подарки, скоро выпускной?

– Его там не было. Он никогда не был у меня дома... И на моих днях рождениях в том числе, – отрешенным голосом ответила Амелия, опустив глаза.

– Это не вызывало вопросов? Вы, кажется, были в отношениях 3 или 4 года. Мне было бы интересно уточнить, почему я не частый гость в твоём доме.

– Понятия не имею, возникал ли у него данный вопрос

или у кого-либо еще, однако он ни разу об этом не заводил тему... Возможно, ему самому это было не нужно.

– А ты хотела?

– Не думаю.

– Амелия, твой ответ весьма решителен, несмотря на всю сложность обсуждаемого. Хорошо, расскажи мне о подруге, которая тебе сообщила о его... – пытаюсь подобрать нужное слово, Сара начала щелкать ручкой и незаметно для себя наморщила брови так, что на лбу прорисовались несколько ямочек, – вы близки?

– Ну, её имя Мисси и... Мы дружили со времен, когда впервые увиделись в садике.

– Что еще?

– В нашей дружбе возникла трещина еще до того, как я уехала в Австралию. У неё появился парень, и как-то всё между нами стало сложно.

– В чём проявлялись трудности между Мисси и тобой? – Сара смотрела на Амелию, цепляясь за каждое сказанное слово.

– Её парень был против нашего общения. Хотя нет, Сара, он был против любого её общения с кем-либо, кроме него! Но я, безусловно, попала под раздачу первая, потому что мы почти всегда были на связи. Мы с Мисси учились в разных школах, из-за чего виделись несколько раз в месяц между тренировками по фехтованию. Она тоже занималась. Знаешь, в то время у детей не было сотовых, и мы оставляли друг

другу письма под одной из брусчаток, отходящих от стены.

– О чём были ваши письма?

– Обо всём: мальчишки, обиды, новые вещи, обсуждение общих недругов. Всё до смешного просто, Сара, – горько заметила Амелия. Чувствовалось, как её это медленно, но верно убивало изнутри.

– Она что-то тебе объясняла? Причину окончания ваших взаимоотношений?

– Нет, ни слова. Просто исчезла из моей жизни и всё. Видимо, люди считают это нормальным.

– Такое уже случилось, не считая Джессики?

– До того момента нет, но после да, я замечала, как вроде бы кто-то есть, а затем «бум» и всё. Не было ничего. Они проходят мимо тебя на улице, и у них на лице даже не читается: «Амелия, привет! Как поживаешь? Прости, что я дерьмово поступил».

– А что ты видишь в их глазах в момент встречи?

– Что-то типа: «упс, зря я тут пошел», – грузно ответила она, прислонив ладонь ко лбу и потянув вверх висок, продолжила, – у меня была еще одна подруга, её звали Джейн.

– Она тоже ушла по-английски? – с серьезным видом произнесла Сара, всё еще черкая буквы в блокноте.

– Вообще-то это пошло от французов, – отвлеклась Амелия, – ладно. Когда с Беном была поставлена точка, я уехала в верхний Хэмптон, вернулась оттуда к началу учебного года и... Незадолго до этого Джесс позвонила, попросила прие-

хать. В итоге она даже не пустила меня в свой дом. Сара! Мы с Джесс доверяли друг другу на столько, что она могла поведать мне информацию о том, где в её доме лежат тампоны и запасные ключи. Что должно втемяшиться в голову человеку, который не пригласит тебя войти внутрь? Я была в растерянности. Возможно, подсознательно я до сих пор роюсь в том дне. Она произнесла только: «Амелия, тебя интересуют парни, машины и мода, нам больше не о чем разговаривать, у нас нет ничего общего, а еще ты вечно всё преувеличиваешь». Я позвонила Джейн, мне хотелось с ней этим поделиться, ведь мы были знакомы всю жизнь. И тут она произносит: «Знаешь, я люблю...». Это неважно, Сара! Забудь.

– Ого... – по лицу Сары пробежала тень сомнения, однако она осмелилась задать вопрос, – ты что-то ответила?

– Ага... Я сказала... – по непонятной для Сары причине Амелия вдруг разразилась звонким смехом, затем успокоилась, сделала медленный вдох так, что было видно, как дрожит её грудная клетка и произнесла, – ты права, я преувеличиваю 25 часов в сутки.

– Должна заметить, это весьма остроумно! – Сара неожиданно громко засмеялась в ответ. Видимо ей понравилось то, как дерзко ответила Амелия, – а что было с Джейн?

– На самом деле я просто никогда не предавала значения тому, что в сутках 24 часа. Позже, сидя дома и копаясь в себе, я осознала – даже в тот момент я преувеличила. Одного я точно не могла вспомнить – о чём говорила Джесс. О пре-

увеличении моих чувств, моих знаний, моей жизни? Я не готова обсуждать Джейн. Не сейчас.

– Мне жаль, что так произошло. Правда. Амелия, никто не заслуживает терять друзей без объяснений. Для этих людей этот процесс разрыва был спланированным и постепенным, но для тебя он был резким, – заключила Сара, скрестив руки на коленях.

– Как засохшая корочка от свежей болячки. Её просто оторвали и оставили без пластыря, чтобы кровь замарала твои белые брюки. Я всё еще та девчонка подросток, чьи подруги отвернулись по известным лишь им причинам. Недавно Джесс вышла замуж, я отправила ей открытку с поздравлениями. Чувствовала себя... Нелепо.

– Думаю, это верное описание твоих чувств, милая.

Резко схватив Сару за руку, Амелия сжала её, что есть силы и четко медленно произнесла:

– Никогда не говори так впредь! Не называй меня так.

– Прости, хорошо, – ответила Сара хриплым голосом, и попыталась высвободить свою трясущуюся от судорог кисть, – хорошо?

– Полагаю мне пора, сеанс окончен. До завтра, Сара! – Амелия встала с дивана, быстро схватила свой плащ и выбежала из кабинета, лишь оставив после себя сладковатый аромат смородины и гибискуса, безусловно, еще присутствовал разносящийся эхом звук за хлопнувшей двери.

– До скорого... До скорого, Амелия... Бедная девочка, –

шепотом вторила ей в след Сара.

4 сентября 2007

После расставания с Беном Пирсом Амелия изменилась до неузнаваемости. Она могла часами бродить по темным улицам города, время от времени останавливаясь убедиться, что никого нет поблизости – Амелия доставала пачку сигарет и закуривала одну за другой, не предавая значения: ни за чем она это делает, никакой кайф это приносит её придуркам одноклассникам. Чаще сигарет Амелия курила травку, которую ей приносили пугливые приспешники. Когда никого не было дома – ей доставляло удовольствие слушать разную музыку, которую раньше она бы ни за что не включила. Всё новое, не так ли?

К концу сентября Амелия стала всё реже и реже появляться на тренировках по фехтованию. Теперь у неё появилось новое увлечение – бессмысленное шатание по улицам часы на пролет. Вероятно, она всего лишь пыталась найти себя, наконец-то услышать свой голос в тишине?

Амелия сломала голову, как ей помириться с Джесс. Точнее, они и не ругались, подруга молча перешла на другую сторону, оставив беззащитную Амелию в одиночестве. Иногда лежа в ванне с обжигающе горячей водой у неё, возникало чувство, будто она стоит посреди пустыни, где даже кактусов не виднеется, там настолько тихо и спокойно – нет ветра, и зыбучий песок не режет глаза. В панике она кричит

во всё горло и просит помощи у Вселенной час-два-три, пока не срывает голос... Помощи нет. Её разум отключается.

Приходила в себя Амелия, как правило, в остывшей воде, когда её кожа покрывалась мурашками, а тело дрожало от холода.

До тех пор, пока в один из дней идея сама явилась к ней на порог.

Жуткий стук в дверь разбудил полуопьянённую Амелию и заставил спуститься вниз. Изначально могло показаться, что это назойливый сосед, ибо ранее она криво припарковала машину или дети, чей мяч попал на задний двор.

– Здравствуйте! Извините, я тут немного заблудился... – начал было бодрый мужской голос, завидев на горизонте чью-то тень.

– До свидания! Спросите совет у кого-нибудь другого! И прекратите барабанить в дверь! – грубо и громогласно заявила Амелия в ответ.

– Простите, я не хотел вас отвлекать, но у остальных домов не стоят машины, я подумал...

– Я подумал! – передразнивая своего собеседника, Амелия резко дернула замочную скважину, – размышления вообще не твой конёк! Понял?

– От тебя пахнет травкой, а у меня есть классная пицца

и мороженное, – незнакомец указал рукой в сторону своей машины, а затем вновь впился взглядом в Амелию.

– Заходи! – неожиданно для самой себя скомандовала она.

Незнакомец выглядел привлекательно. Особенно, в этих строгих синих джинсах и голубой ветровке поверх облегающей белой майки. Всё, что нужно – то на виду. Его рост был около 2 метров, наверняка баскетболист, опять же клише: светлые волосы, голубые глаза, мало говорит, ещё меньше пользуется извилинами в мозге. Чем не удачный вариант?

Несомненно, через минуту Амелия начала приходить в себя после мутного дневного сна и сразу узнала в парне лучшего друга Сэма Хьюфорда. А, как известно Хьюфорд – любовь Джесс. Это послужит её поводом к примирению с подругой?

– Кажется, я тебя видела раньше? – неуверенно и издалека начала она.

– Ну, я бываю в вашей школе, мой друг учится в выпускном классе. Сэм Хьюфорд, знаешь его?

– Да, мы иногда пересекаемся, пару раз тусовались вместе...

– Я не представился, – неловко заёрзал на стуле незнакомец, – Эрик Уолш, я из соседнего района и на самом деле, ехал по делам, пока не понял, что свернул не на ту улицу и так несколько раз, – с усмешкой продолжил он.

– О'кей, Эрик, ты будешь косяк или мне просто угостить тебя лимонадом? – саркастически осведомилась она, наде-

вая на себя, висящую ранее на стуле толстовку, между делом смекнув, что на школьной витрине с кубками красуется его имя, – кстати, Амелия и я почти в выпускном классе.

– Большая девочка, – ответил, смеясь, Эрик, – сегодня я предпочту лимонад, уж очень хочется запомнить прекрасный вечер.

Эрик и Амелия провели вместе несколько часов. Они ели пищу, вприкуску с мороженым, пели странные дурацкие песни и много смеялись. Конечно, Амелия уже тогда точно могла сказать, что Эрик от неё в диком щенячьем восторге, и её последующие отрицания не значат ровным счётом ничего.

И почему ей всегда приходится брать на себя чужие партии?

– Хочешь выпить? – Эрик протянул Амелии бутылку смешанных виски и энергетика. Он смотрел на неё так, будто она – весь мир. Нет. Вселенная. И его огромные круглые голубые глаза не моргали в ожидании её ответа. Время замирало. Амелии нравилось, что каждая ситуация зависит от неё.

– Нет, – спокойно ответила она, всё ещё наслаждаясь своей важностью в жизни Эрика, – кто-то же должен сесть за руль трезвым.

– Ты выкурила три косяка, я буду в норме. А ты, детка? –

шутливо заметил Эрик.

– Прекрати! Я всё еще могу соображать и давить ногами на педали, – деловито заявила она.

Ей сразу вспомнился случай: когда Джейн и она тусовались несколько недель в верхнем Хэмптоне, они угнали машину. Была поздняя ночь и кромешная тьма окутала весь близлежащий лес, естественно, девчонкам захотелось погулять в ночи. В какой-то момент у них закончилось спиртное, и травка была следующей на очереди, но они настолько сильно перебрали, что не могли толком даже шаг сделать. Просидев какое-то время, то ли на пнях, то ли на траве вперемешку с листвой, Амелия предложила Джейн пойти домой... Хотя на тот момент было неизвестно в каком направлении тот самый дом. На телефон полагаться было неразумно, потому что всю дорогу из динамиков звучала веселая музыка, посадившая аккумулятор. Джейн, недолго думая, решила выкурить последний косячок и отправиться в путь. К счастью, Амелия обладает невероятными способностями по выходу из западни, поэтому уже спустя полтора часа они выбрались к дороге. Тут уже осенило Джейн... Она чересчур устала идти и высказала предположение о том, что весьма хорошая идея – угнать стоящую на обочине машину. Амелия без раздумий согласилась на авантюру. Ведь так прикольно угнать машину, выпив несколько литров коньяка и шампанского, а затем выкурив парочку косячков. Удивительно, однако, они действительно угнали ту машину, припарковались

у соседнего дома, и всё. Наутро машины и след простыл, да, и полицейские не бродили с вопросами.

– Так говоришь, как будто каждый день едешь обкуренная, – выпустив пар, произнес Эрик. В такие моменты он любил утыкаться в волосы Амелии и вновь повторять, что от неё пахнет смородиной, манго и терпким гибискусом.

– Почему ты постоянно тусуешься здесь? – спросила Амелия, стараясь перевести тему, – ты ведь студент крутого колледжа и всё в таком духе.

– Ну-у-у-у, – протянув, Эрик задумался на несколько секунд, – там скучно и нет классной девчонки по имени Амелия.

– А если серьезно, Эрик? – настойчиво вторила она, сердито морща лоб.

– Слушай, мой дед и принципал – давние друзья. Меня приняли туда просто, потому что я Эрик Уолш. Нет никакой загвоздки.

– Твой дед подпольный миллионер?

– Почти, – разразился хохотом Эрик и чмокнул Амелию в щеку: по его мнению это должно было успокаивать, – на самом деле он не нуждается в деньгах, как и вся моя семья, но уж очень хочет, чтобы его внук получил достойное образование.

– Ты ведь не учишься... – возмущенно заметила Амелия.

– Несколько раз в месяц я там точно бываю, – вновь затянувшись сигаретой, Эрик внезапно задал вопрос, ответ

на который был однозначным, – детка, разве есть смысл учиться? Считаешь это важным?

– Фигня! – воскликнула Амелия, прокручивая в голове монолог, в котором говорит Эрику Уолшу о расставании.

Через неделю Амелия словно невзначай поцеловала Эрика, а тот начал знакомить её с друзьями и собираться с мыслями, как сделает ей предложение на выпускном. Естественно, Эрик не догадывался о своей ненужности, как и о плане Амелии. Хотя план был так себе. Еще Амелия терпеть не могла его пухлые губы. Девчонки завистливо озирались по сторонам и воображали, как чувственно и нежно Эрик Уолш целуется, однако у Амелии на этот счёт было своё мнение. По сути, у неё на всё находились свои соображения.

Эрик был сыном богатых родителей, не платиновым, но точно золотым мальчиком. Он любил развлечения и тусоваться, разъезжать на дорогих тачках, курить травку, пить пиво вперемешку с энергетиками. Ах, да, еще он безумно любил Амелию. Почему – никто не знает.

План Амелии провалился в тот же момент, когда и начался. Джессика лишь косо, нервно и боязно поглядывала в сторону радостного Хьюфорда. Безусловно, счастливого без неё. Вся эта ситуация и столь скорые отношения с Эриком Уолшем сделали своё дело – Бен Пирс без усталости трепался

о её порочности днём, а вечерами названивал с истерическими претензиями и унижениями; что касается Джесс – она элементарно перестала здороваться на общих уроках с Амелией. Впрочем, как и все остальные. Ведь теперь у неё были огромные возможности с парнем, который старше её почти на 5 лет, к тому же он учился в одном из самых крутых колледжей страны. Все и слово о неприличии боялись сказать в её сторону, только слегка перешептывались, пока однажды Эрик не заявился прямо на урок. Что не сделаешь ради любви, верно?

– Амелия, попросишься со своим парнем, – шепнула на ухо проходящая мимо директриса.

– Что? – удивленно переспросила Амелия, явно не ожидавшая увидеть Уолша здесь.

– Соскучилась, малышка? – втиснув её в свои объятия, произнес Эрик. От него разило спиртным и затянувшейся недельной вечеринкой по случаю дня рождения. Он наклонился и попытался чмокнуть её в губы, но Амелия отпрянула, как и в тот момент, когда он прижал её беспардонно к стене.

– Тебе лучше уйти, – отталкивая Уолша от себя, настойчиво прозвучал ее голос, – еще смени одежду и, разумеется, протрезвей.

– Ты мне не рада?

– Эрик! – не удержавшись, воскликнула она, – ты себя видел? Ты пришел в школу пьяный и под кайфом! Иди домой!

– О'кей, детка.

– Классный у тебя парень и красивый, – хлопнув Амелию по плечу, сказала одна из одноклассниц.

– Ага, точно...

В ожидании того, что Эрик уехал домой, Амелия со спокойными мыслями отправилась на репетицию танца с выпускниками. Кого как не Амелию нужно позвать? Во-первых, она неплохо танцует вальс. Во-вторых, она красавица. В-третьих, с ней весело и интересно. Ну, и, в-четвертых, ты можешь приобнять её, прикрывшись плясками. Парни из старших классов сразу просекли эту тему, и ни один из них не собирался терять возможность воплотить желание в жизнь.

Спустя час репетиции, Амелия обратила внимание на нервозность ребят. Конечно, этому послужило присутствие Эрика в большом органном зале. Сначала он тихо стоял за дверью, изредка поглядывая на то, что там происходит, а затем просто вошел в зал и уселся рядом с Хьюфордом и его компанией.

– Эрик! Я попросила тебя уйти! Что ты здесь делаешь? – разъярённо шепотом спросила Амелия.

– Смотрю, как ты наслаждаешься танцами с чужими парнями. Видимо очень нравится?

– Прекрати! Давай выйдем, – потянув Эрика за собой, Амелия не осознанно оцарапала его плечо.

– Я никуда не пойду, буду сидеть здесь, и смотреть на тебя.

Или ты хочешь побыть с ними наедине?

– Что за чушь ты несешь?

– А что? Не думаю, что я ошибаюсь. Ты ведь меня выпроваживаешь, а не их, – недовольно прокомментировал он.

– Если у тебя появилась девушка постарше и у тебя с ней всё серьезно, так и скажи. Мы не виделись неделю, так что я всё пойму. Но сейчас уходи! – настойчиво продолжала она, толкая Эрика в плечо.

– Нет!

В итоге разговор так и не сложился. Эрик Уолш уперто не хотел слушать Амелию и уж тем более не собирался потакать в её желании убраться оттуда поскорее. В какой-то момент у Амелии не хватило сил и вместо того, чтобы ответить Эрику, словом, она дала ему пощечину и завернула руку за спину с такой силой, что раздался хруст. Друзья Эрика, в том числе, Хьюфорд молча смотрели на происходящее и понятия не имели, что следует в данном случае предпринять.

В ближайший месяц Эрик не мог играть в баскетбол за колледж. А Амелия не могла отделаться от Эрика. До конца года он преследовал её, клялся и страдал. Пил и курил, конечно, тоже. Но страдал в несколько раз больше. Через месяц Амелию это жутко достало, и она познакомилась с каким-то парнем, имя его она естественно не запомнила, но выставила в Facebook несколько совместных фото. Вопреки расчетам Амелии фото не помогло, и Эрик продолжал созерцать слов-

но назойливая муха. Она его ненавидела. Он же был готов отдать за неё всё, вопреки тому, что их отношения продлились всего несколько недель. В один день Эрик как в воду канул. Хьюфорд тоже не знал когда и почему его друг испарился навсегда.

Я постоянно превращаюсь в кого-то нового. С каждым разом мне нравятся эти изменения всё меньше.

Порой я становилась более беззаботной, иногда подолгу сидела в комнате и мечтала об исчезновении всех ничтожных людей из моей жизни. Ничтожными, разумеется, считала большую их часть.

Единственное, чем я обладала – правом на слезы. Я могла плакать тихо в одиночестве или прилюдно и даже со скандалом, скрывая истинную причину. Каждый раз я собирала себя заново и жалела обо всем, что не приколочено – такая уж я, обделённая той самой миссией, которую нужно выполнить.

10 июля 2015

– О, я так рада, что тебя наконец-то выписали! – счастливо визжала Амелия, обнимая Чейса.

– Точно, в палате было скучно, хотелось выйти и прогуляться в парке, посидеть в баре, – с некой тоской отозвался Чейс.

– Может, выберемся сегодня? Неподалеку открылся новый клуб, если не понравится – уйдём в бар.

– Хочу остаться дома, – отрезал он.

– Что? Я, кажется, не расслышала... – неуверенно произнесла Амелия, останавливая машину.

– Я сказал: «нет», – ещё тверже и увереннее повторил Чейс, – нам нужно расстояние, если ты так и не поняла из-за, чего я попал в клинику, точнее из-за тебя.

– Чейс! – Амелия не верила своим ушам, он и вправду это говорит, – ты, наверно, с ума сошел? О чём ты? Не нужно винить меня в твоих проблемах. У меня тоже не всё гладко, но я никого не виню! У тебя был перелом ключицы, а не жизни.

– Разве? По-моему, ты только этим и занимаешься.

– Знаешь, что, вон из машины. Вызовешь себе Uber! – крикнула она, выпихивая Чейса на улицу.

– Так даже лучше! Без тебя всем будет лучше! – орал как оголтелый Чейс, – чёртова дура!

Амелия видела, как он пнул мусорный бак, а потом скорчился от боли, присев у почтового ящика напротив. Её так задело слова Чейса и вся эта ситуация вышла из под контроля. «Всем будет лучше!». Что это значит? «Убирайся, Амелия, тебе пора»? Или «Я ненавижу тебя, Амелия». Несколько минут она не могла даже пошевелиться. Сидела, вцепившись в руль, словно это единственное, что держит её на плаву и возвращает к реальности. Оглянувшись, Амелия заметила, что Чейс всё еще находится на том же месте и, конечно, забеспокоилась всё ли с ним в порядке. Она взяла себя в руки и вышла из машины, направляясь в его сторону.

– С тобой всё в порядке? – обеспокоено спросила она.

– Uber в очереди! Езжай домой! – продолжал кричать Чейс несмотря на то, что выражение его лица выдавало острую боль.

– Что происходит между нами? – поинтересовалась Амелия, присев рядом с ним.

– Я влюблен в тебя по уши! Довольна? Уходи! Ты вообще зря навещала меня.

– Чейс... Я... – не зная стоит ли продолжать разговор, Амелия поднялась с травы и медленно пошла в сторону машины, – ни за что не оборачивайся. Ни за что, – бубнила она себе под нос.

Сев за руль, она сразу же вдавила педаль в пол и умчалась, как можно дальше, и как можно быстрее. Амелия не могла скрыться, однако всё еще надеялась – это сон, сейчас всё

пройдет, вот увидишь.

30 ноября 2015

Звонящие колокольчики над дверью знаменовали приход Амелии. Ведь она была первым утренним пациентом в клинике.

Чейс медленно поднял голову и перевел свой недовольный взгляд снова на монитор.

– Амелия.

– Чейс, – произнеся это, у неё защемило в груди. Её знакомый кардиохирург утверждает, что с сердцем всё отлично, и эта боль от обид. Умник, – Сара уже здесь?

– Амелия! Проходи! – вовремя раздался голос Сары, опередив на несколько секунд Чейса.

Удивительно, но в кабинете никого не было, лишь доносящийся шорох в глубине стен нарушал спокойствие.

– Решила сделать потайную дверь! – радостно провозгласила Сара, указывая на дыру в стене, – классная идея, не так ли?

– Ага... Просто супер, – растерянно ответила Амелия, глазами ища поддержку Чейса. Однако он так и не вошел в кабинет, как это бывало раньше. После их ссоры Чейс в принципе старался избегать Амелию, где бы то ни было.

– Он всё еще не разговаривает с тобой?

– Не делай вид, будто не знаешь, – сердито пробубнила Амелия, усаживаясь поудобнее на диван.

– Выходит ты не собираешься это обсуждать? – как бы невзначай уточнила Сара.

– Нет! – строго воскликнула она, выпучив глаза, как рыба-телескоп. Амелия наверняка считала, что это придаёт большей убедительности её ответам.

– В таком случае мы остановились на вашем с Беном Пирсом расставании, – начиная это предложение, Сара постепенно перешла на еле различимый шепот, пока не нашла то, что искала в папке, – почему вы расстались?

– Он считал, что у меня куча парней кроме него и вообще я... – на этой ноте Амелия остановилась в попытке подобрать слова, – куртизанка. Он так считал до конца своих дней, полагаю.

– Хм... И по какой причине он тогда встречался, как ты выразилась, с куртизанкой? – заинтересовано спросила Сара. Нужно видеть её лицо в подобные моменты иллюзорного восприятия: решительное, непоколебимое, серьезное, сосредоточенное, ни одна жилка не дергается – профессионализм.

– Поняти-и-ия не имею... – чуть заикаясь, промолвила Амелия.

– В таком случае я хочу услышать твою версию: почему ваши отношения подошли к концу, Амелия?

Не услышав в ответ ничего вразумительного, Сара спросила вновь:

– Амелия, почему отношения, длившиеся около 4 лет, подошли внезапно к концу?

– Потому что я не любила его! – воскликнула она, вздрогнув от неожиданности и резкости собственной реакции, – и была той еще стервой. Конец не был внезапным, всё к этому шло... Попросту существование нашей пары длилось годами из-за жалости, трусости, наверное, мне было выгодно вот и всё.

– Мы пришли к тому, что причина расставания – твоя нелюбовь к Бену. Однако фактическим инициатором был он, думаешь, Бен чувствовал или осознавал свою ненужность в твоей жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.